

**Чингиз
Абдуллаев**

*У него нет имени. Он действует там, где другие
бессильны...*

**ЗЕРКАЛО
ВАМПИРОВ**

Дронго

Чингиз Абдуллаев
Зеркало вампиров

«PEN-клуб»

1997

Абдуллаев Ч. А.

Зеркало вампиров / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1997 — (Дронго)

Найти убийцу популярного телеведущего поручают Дронго, асу – криминалисту, не ведающему жалости и страха. Он вступает в игру, когда другие бессильны. Расследуя убийство, Дронго словно спускается в ад – пытки, беспощадные схватки, предательство и смерть проходят перед его глазами. Кровавый след ведет его туда, где нет места ни состраданию, ни любви, ни чести. Но отступать он не умеет...

© Абдуллаев Ч. А., 1997

© PEN-клуб, 1997

Содержание

Начало	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Чингиз Абдуллаев

Зеркало вампиров

*Ты уже не будешь брать все явления мира
из вторых или третьих рук,
Ты перестанешь смотреть глазами давно
умерших или питаться книжными призраками,
И моими глазами ты не станешь смотреть,
ты не возьмешь у меня ничего,
Ты слушаешь и тех и других
и фильтруешь все через себя.*

Уолт Уитмен «Песня о себе»

Начало

Он сидел в комнате, когда к нему вошел тот, кого он ждал. Ждал с нетерпением и непонятным волнением. От их встречи зависела не только их судьба, но и судьба третьего человека, которому они должны были вынести свой приговор, не выслушав ни самого подсудимого, ни обстоятельств, смягчающих или исключаящих его вину, ни защитников, которые могли бы рассказать о жертве немало хорошего.

Сидя в большой комнате напротив друг друга, они говорили о каких-то мелочах, вспоминали общих знакомых, подсознательно готовясь к главному разговору, который и должен был определить судьбу третьего.

Собеседники понимали исключительность принимаемого ими решения. Человек, участь которого они собирались решить, слишком известен и популярен, чтобы можно было надеяться на безнаказанность. Нельзя надеяться и на сокрытие того, что должно было произойти. Это был самый настоящий вызов, и оба понимали, что в случае провала или какой-нибудь небрежности им придется отвечать по полной программе.

И тем не менее они принимали решение сознательно и твердо, полагая, что никакого иного варианта не существует. Жертва мешала не просто им двоим, они не просто сводили личные счета. Это решение давалось им нелегко, но без исполнения его было невозможным дальнейшее нормальное существование обоих.

Они были нормальными людьми, в том смысле, в каком это определение признано практикующими психиатрами. Оба собеседника не были ни параноиками, ни садистами, ни душевнобольными в медицинском смысле. Однако оба были больны, и больны тяжело. Это была особая болезнь, сочетающая в себе равнодушие к чужой боли и чужой жизни, неумение сострадать чужому горю и чужой смерти. Оба понимали, что жертва необходима. И, как жрецы в ожидании кровавого жертвоприношения, старались не напоминать друг другу о том, что жертвенные ножи уже наточены, а алтарь должен окраситься кровью живого человека.

За все время разговора они не сказали ни слова о будущей жертве, но оба помнили о том, чья участь была обговорена и решена еще несколько дней назад. В конце встречи один из участников беседы поднял телевизионный пульт и включил телевизор. На экране появился всеобщий любимец, журналист, чье лицо было знакомо миллионам людей. Его передачи были популярны, он неизменно входил в число лучших тележурналистов страны.

– Выступает, – усмехнулся первый.

– Хорошо выглядит, – сказал второй.

– Он талантливый журналист, – почему-то заметил первый.

– Ему нужно было заниматься только своим делом, развлекать людей, – добавил второй.

Первый согласно кивнул и выключил телевизор. Экран потух, и теперь на нем зияла черная пустота.

– Как хорошо работают эти телевизоры, – с удовлетворением констатировал первый, – легким нажатием кнопки можно регулировать их включение и выключение.

Второй засмеялся. Он понял аллегория и не стал ее комментировать. Участь жертвы была решена. И теперь уже никто не мог отменить отданного приказа. На алтаре должно было совершиться жертвоприношение. И собеседники уже думали об этом, как о свершившемся факте.

Глава 1

– Добрый день. – Он улыбался немного застенчиво, как обычно улыбаются новички, впервые попавшие в большой коллектив.

– Привет, – кивнул пробежавший мимо журналист, – ты, видимо, Павел Капустин?

– Да. Меня прислали...

– Знаем, уже слышали. Иди в ту комнату. Там тебя ждут, – показал журналист и уже на бегу крикнул: – Удачи тебе, Павел!

Он оглянулся. Вокруг суетились люди, спешили куда-то две девушки с очень независимым видом, важно шествовал известный актер, горделиво наклоняющий голову при приветствиях. На телевидении шла обычная работа, все суетились, нервничали, бегали, кричали, выясняли, куда пропал тот или иной журналист, – в общем, это был обычный день на телестудии. Но это был исключительный день для Павла Капустина, впервые переступившего порог этого здания и готового начать новую жизнь. Он постучал в дверь. Никто не ответил. Он снова постучал. Опять молчание. Павел оглянулся. Он не мог ошибиться. Здесь только одна дверь.

Немного подумав, он приоткрыл ее. В большом кабинете никого не было, но за перегородкой, разделяющей пространство комнаты пополам, слышались чьи-то голоса, веселые восклицания, смех. Он прикрыл дверь и двинулся вперед, чтобы увидеть наконец хозяев кабинета.

На большом кожаном диване сидел известный журналист, тот самый, чье лицо уже давно примелькалось на телевизионных экранах. Журналист был талантливым человеком и умелым организатором, он постепенно сделал свои программы самыми дорогими шоу на телевидении. Возглавлял он как раз тот канал, на котором и должна была состояться будущая карьера Павла Капустина.

Увидев Капустина, он отвернулся и продолжал о чем-то весело говорить с миловидной блондинкой, сидевшей рядом с ним. Оба натянуто улыбались, блондинка благосклонно кивала головой. Павел негромко кашлянул. Оба собеседника скользнули по его лицу абсолютно равнодушными глазами и продолжали свою беседу. Это было немного обидно, и он покашлял сильнее. Собеседники не могли не видеть его. Но оба предпочитали делать вид, что не замечают новичка. При этом они разговаривали преувеличенно громко и весело, словно актеры на спектакле, четко выговаривающие слова, чтобы они были слышны и зрителям, сидящим на галерке.

– Простите, – наконец громко сказал Павел, и в этот момент журналист взмахнул рукой.

– Ну сколько можно! – закричал он, глядя на новичка. – Опять какой-то идиот сорвал передачу.

Только теперь Павел с ужасом заметил в углу телекамеры, стоявших за ней операторов и наконец понял, почему здесь был установлен такой сильный свет, высвечивающий диван с обоими собеседниками.

– Извините, – пробормотал он, делая шаг назад.

– Извини, Света, – покачал головой журналист, – опять сорвали. Начнем заново. Ты немного отдохни. – Он поднялся с дивана, прошел за перегородку к большому столу. Взглянув на Павла, он недовольно покачал головой.

– Из финансового опять за отчетом пришли?

– Нет, – испуганно ответил Павел, – я к вам.

– По какому вопросу? – нахмурился журналист.

– Вот тут у меня направление. Я Павел Капустин, меня прислали к вам, – сказал он, протягивая лист бумаги своему именитому собеседнику. Тот взял бумагу, нахмурился, потом улыбнулся. Он был высокого роста, красивый, ладно скроенный. Такие открытые лица обычно нравятся женщинам и вызывают симпатию у мужчин. Его имя гремело не только в Москве,

а лицо было родным и знакомым миллионам людей, живущих на всем пространстве бывшей огромной страны, куда транслировались передачи их канала. Журналиста звали Алексей Миронов, и был он известен всем, как Леша Миронов, хотя ему было уже почти сорок лет.

– Чего же ты не сказал, что новичок? – улыбнулся Миронов. – Я когда впервые на телевидение попал, вообще как очумелый ходил две недели.

– Я не видел, что у вас идет съемка, – пробормотал Капустин.

– Внимательнее нужно быть. В армии был?

– Да, два года, как положено. В Афганистане служил.

– Чего же тебя там внимательности не научили? – засмеялся Миронов. – Сколько тебе лет?

– Двадцать семь.

– Солидно. А где работал до телевидения?

– Где придется, – пожал плечами Капустин, – вообще-то я работал оператором на киностудии. Но там уже два года ничего не снимают. Вот я и решил к вам податься.

– Правильно решил. Кино они еще сто лет там снимать не будут, а у нас здесь живая работа. Подожди, подожди, – вдруг вспомнил Миронов, – документальный фильм о штурме Грозного с Арпухиным ты делал?

– Ну я, – кивнул Капустин.

– Классная работа, – уважительно сказал Миронов. – Ты ведь свой фильм под пулями снимал. Очень классная. Так ты и есть тот самый Павел Капустин? Ну, брат, ты же человек опытный, две войны прошел, а здесь съемки не заметил. Ладно, ничего страшного. Тебя Арпухин очень хвалил, вот мы и решили тебя попробовать.

Капустин молчал.

– Давай, я подпишу твои бумажки, и иди в отдел кадров оформляйся, – решительно сказал Миронов. – Такие операторы, как ты, нам очень нужны.

Он размашисто подписал бумагу, протянул ее новичку. Капустин взял бумагу и уже собрался выйти, как Миронов окликнул его:

– Павел, за «идиота» я извиняюсь. Я ведь не знал, что ты новичок.

– Ничего, – пробормотал Капустин, – я просто ошибся.

Он вышел из комнаты, столкнувшись в дверях с невысоким человеком неопределенной внешности и возраста.

– Зарезали! – закричал человек истощенным голосом. – Без ножа зарезали! – Павел уже закрывал дверь, когда услышал строгий голос Миронова:

– Опять не получилось?

– Переставляют программы, – ответил ворвавшийся в комнату. – Я ведь говорю, что зарезали. Они всегда... – Дальше Павел уже не слышал. Он привык к хаосу съемочного процесса и сумбуру во время работы. Но, похоже, на телевидении все это усиливалось стократно и было неотъемлемой частью самого процесса творчества.

– А я ему говорю, что он ничего в этом не понимает, – гневно сказала прошедшая мимо Павла маленькая женщина лет шестидесяти. Она обернулась на Павла, внимательно посмотрела на него, потом еще раз обратилась к своему собеседнику и, топнув ножкой, повторила:

– Ничегошеньки он не понимает, – и пошла дальше, не обращая внимания на реакцию собеседника. Тот был очень высокого роста, под два метра, немного сутулый, как и все очень высокие люди. Он слушал, наклонив голову, и, когда женщина отошла от него, тихонько вздохнул и направился в другую сторону. Павел решил не выяснять у него, где именно находится отдел кадров, понимая, что в таком состоянии человека лучше не тревожить.

Оформление на работу оказалось не столь простой процедурой, как ему представлялось. Пришлось потратить полдня, обегав еще несколько кабинетов и собрав подписи неизвестных ему главных и генеральных директоров. Только к четырем часам дня он наконец услышал от

сухой жесткой женщины в отделе кадров, что может считать себя принятым. Женщине было лет сорок, не больше, но она почему-то смотрела на него как на своего личного врага и разговаривала, не открывая рта, словно сэкономила воздух, предпочитая говорить сквозь зубы. Впрочем, и к другим посетителям она обращалась точно так же, и данное обстоятельство как-то успокоило Павла.

В половине пятого он почувствовал, что проголодался. Спустившись вниз, в буфет, он увидел сидевших за столом Алексея Миронова, ту самую актрису Свету, с которой тот беседовал, и еще двух неизвестных ему мужчин. Один, с большой, густой бородой, словно собирался исполнять роль боярина средневековой Руси. Правда, на роль его могли не утвердить из-за большого семитского носа и хитрых, маленьких прищуренных глаз. Второй, напротив, был чисто выбрит. При этом он умудрился выбрить не только лицо, но и всю голову, блестящую, как идеально выточенный круглый шар.

– Павел, иди сюда! – закричал Алексей, увидев Капустина. И когда тот подошел, он показал на новичка, представляя его: – Павел Капустин, гениальный оператор и смелый человек, несмотря на свой молодой возраст. Он снимал фильм о чеченской войне. Тот самый фильм, о котором я тебе говорил, Аркадий. – Бородатый Аркадий кивнул головой, протягивая свою огромную ладонь. Остальные просто кивнули, и Павел сел рядом с Аркадием.

– Знакомься, – кивнул Миронов на свою компанию. – Это Аркадий, человек неопределенных занятий, философ и писатель. Любимое место на стуле в пресс-клубе, где-нибудь в задних рядах, чтобы подавать неслышимые звукооператорам реплики. Это наша Светочка. Я думаю, ее представлять не нужно. Ее и так знают все мужчины нашей страны, которые сходят с ума из-за ее фигуры.

Светлана довольно улыбнулась, но никак не прокомментировала эту фразу.

– А это Сергей Монастырев, самый главный критик на телевидении, – показал на обритого парня Миронов, – он очень строгий и принципиальный человек. Но легко поддается на уговоры. Если ты хочешь с ним дружить, то можешь поставить ему банку пива с воблой, и он твой друг навсегда.

Все расхохотались. Любовь Монастырева к пиву была предметом постоянных шуток. Монастырев однажды на спор выпил двадцать две кружки пива и с тех пор считался признанным чемпионом по этому виду «соревнований».

– Сегодня я угощаю, – пробормотал Павел, – у меня первый рабочий день.

– Твой первый рабочий день будет только завтра, – весело возразил Миронов, – и не будь дураком. Твоей зарплаты с трудом хватит на то, чтобы прокормить только тебя в этом буфете. Если ты еще будешь угощать и других, то вылетишь в трубу через несколько дней. Здесь сейчас цены не профсоюзные, а коммерческие.

– Учту, – буркнул покрасневший Капустин.

– Хорошо, что ты пришел, Павел, – продолжал Миронов, – теперь мы с тобой будем работать в одной упряжке.

– Он еще не знает, что значит работать с тобой в одной упряжке, – пробормотал Монастырев, – все соки из него выжмешь.

– И выжму, – весело согласился Миронов, – обязательно выжму. У нас грандиозные планы на будущее. Обязательно выжму. И не забудь, Серега, что у нас завтра встреча с очень интересными людьми.

– Я помню, – кивнул Монастырев.

– Ты ведь обещал поехать со мной на этот просмотр, – встрепелась Света, – уже забыл?

– Ничего я не забыл. Я позвоню и скажу, чтобы нас подождали. Мы с тобой еще туда успеем.

– Миронов, где вы пропадаете, – ворвалась в буфет молодая девушка, – мы ищем вас по всему зданию.

– Вот так, не дадут нормально расслабиться, – вздохнул Миронов, – ладно, пойду, посмотрю, что там опять случилось. Похоже, ребята, вам придется посидеть без меня. Валечка, – позвал он буфетчицу, – ребята сидят за мой счет.

– Все ясно, Алексей Станиславович, – улыбнулась буфетчица, – как обычно. – Миронов поднялся и вышел из буфета.

– Учти еще одно обстоятельство, – желчно улыбнулся Монастырев, – бесплатного пива не бывает. А бесплатный сыр только в мышеловке. Раз он платит за тебя, значит, уже готов выдавить из тебя все возможное. Платит он хорошо, но и пахать заставляет будь здоров.

– Ты чего пугаешь парня, – пробормотал Аркадий, – у него первый день сегодня, а ты его пугаешь.

– Вообще-то я не из пугливых, – улыбнулся Павел.

– Пусть привыкает, – отмахнулся Монастырев, – в нашем деле прыгать в дерьмо нужно сразу. Иначе потом бывает противно.

– Вечно ты ругаешься, – заметила Света. – Не обращайтесь на него внимания, Павел, он всегда всем недоволен.

– Знаешь, как называют наше телевидение? – спросил Монастырев. – Зеркало для вампиров. Стоящий перед зеркалом вампир не должен в нем отражаться. Он невидим в зеркале, тогда как все остальное там четко видно. Вот твоя работа и будет состоять из того, чтобы несчастные жертвы-зрители не разглядели вампира, который стоит рядом с ними, замечая все.

– Какой ужас, – засмеялась Света, – вечно у него такие страсти-мордасти.

– Тебе еще нужно познакомиться с Мишей, заместителем Алексея. Вот тот действительно не любит никаких шуток по поводу своей работы, – заметил Монастырев. – Он считает, что выполняет здесь функцию государственного комиссара.

– Мы опаздываем, – посмотрел на часы Аркадий. – Будь здоров, Павел, и не принимай всерьез все, что тебе здесь говорят. Половина – обычная трепотня.

– Зато другая половина – правда, – пробормотал Монастырев, поднимаясь следом за ним. Светлана улыбнулась новичку на прощание.

В этот день Павел возвращался домой позже обычного. Заехал к знакомой девушке – Кате. С ней они встречались уже больше года. У нее сильно болела мать, и он заехал «отдать долг вежливости», понимая, что сегодняшнее свидание отменяется. В свою комнату в большой коммуналке он вернулся к девяти часам вечера. Соседи уже успели привычно посудачить, поспорить и разойтись по своим комнатам. Эта была одна из немногих коммуналок, доживающих свой век в центре Москвы. С начала девяностых годов подобные квартиры прибирали к рукам строительные фирмы, расселяя жильцов в отдельные малогабаритки. После соответствующего «евроремонта» бывшие коммуналки превращались в «среду обитания» очень богатых людей, охотно покупавших их.

Он привычно включил телевизор и увидел мрачное лицо диктора. Тот о чем-то говорил, но Павел, не разобравшись, о чем именно, вышел в ванную. Когда он вернулся, уже показывали художественный фильм из новых, и он разочарованно отвернулся, примерно представляя, чем это зрелище может закончиться. В последние годы фильмы снимали исключительно о проститутках, убийцах и наркоманах. Он привычно включил кипятильник, собираясь попить чайку. И в этот миг в дверь постучали.

Павел быстро убрал кипятильник. Соседи не любили подобных приборов, считая, что они могут стать причиной пожара или слишком большого перерасхода энергии. Сунув кипятильник в тумбочку, он пошел к двери. На пороге стояла Варвара Александровна, которую он давно и тихо ненавидел. Эта женщина, казалось, была создана именно для того, чтобы отравлять жизнь соседям и знакомым. Она строго уставилась на Павла.

Она всегда подозревала его в самых ужасных преступлениях, проверяя, не оставляет ли он свет в туалете или ванной комнате, убирает ли за собой в кухне. Более того, она бдительно следила, чтобы их квартира не превратилась в «бардак», по ее выражению.

– Добрый вечер, – устало поздоровался Павел, – что случилось?

– Мы собираем деньги на электрика, – строго сказала Варвара Александровна. Она говорила почти басом, всегда четко выговаривая слова, словно читала лекцию нерадивым ученикам. Впрочем, раньше она была воспитательницей в детском доме, и привычка поучать осталась в ней на всю жизнь. Под носом у нее темнела полоска усов. Муж ушел от Варвары Александровны много лет назад, и она жила со своей сестрой, занимая две лучшие комнаты в квартире.

– Опять? – удивился Павел. – Мы же собирали месяц назад.

– У нас опять сгорела проводка. Кто-то пользуется дополнительными электроприборами, – сообщила соседка и тут же уточнила: – А вы не знаете, кто?

– Нет, конечно, – пробормотал Павел. – Можно, я заплачу завтра? Я получу расчет на киностудии и заплачу.

– Вы ушли с работы? – подозрительно спросила Варвара Александровна. – А на что вы теперь будете жить?

– Я не ушел с работы... – Спорить или возмущаться не было никаких сил. Да и бесполезно. Павел знал это по собственному опыту. – Я перешел работать на телевидение.

– На наше телевидение, – фыркнула соседка, – там один разврат и обман. Ничего хорошего. Вас взяли работать на телевидение?

– Да.

– И вы будете теперь вести передачи? – удивленно спросила она.

– Нет, меня взяли оператором.

– Я так и думала. Для ведущего вы слишком нетелегеничны, – победно заявила Варвара Александровна, – но вообще-то это гнусное место. Вы напрасно ушли с киностудии.

– Я как-нибудь обойдусь собственным умом, – рискнул пробормотать Павел.

– Не хамите, молодой человек, – сразу же перешла в наступление Варвара Александровна, – у вас ведь временная прописка в столице. И учтите, что мы вас с трудом переносим.

Он почувствовал, что сейчас не выдержит, но следующие слова соседки ошеломили его.

– Это еще и опасно, – сказала она. – Сегодня вечером убили Алексея Миронова. Он, по моему, был единственным приличным человеком в этой компании и...

Увидев его ошеломленное лицо, она замолчала. Он повернулся, взглянул на часы. Сейчас по другому каналу должны передавать новости. Он бросился к телевизору, забыв закрыть дверь, переключился на другой канал. И увидел лежащего на полу подъезда Алексея Миронова. Ведущий скорбным голосом сообщал, что сегодня в подъезде своего дома убит известный тележурналист Алексей Миронов. Камера крупно показывала убитого.

– Не может быть, – выдохнул Павел, – не может быть...

Он продолжал что-то бормотать, соседка испуганно заглянула в комнату. Она хотела что-то добавить, но когда он повернулся и она увидела его лицо, то внезапно поняла, что ей лучше молча удалиться. Что она и сделала. Павел продолжал стоять перед телевизором, слушая подробности о смерти Миронова.

Через два дня были похороны. Павел стоял в огромной толпе журналистов, пришедших отдать последний долг убитому коллеге. Выступали потрясенные преступлением друзья погибшего, уже была сформирована специальная группа для расследования убийства, в нее вошли сотрудники прокуратуры, ФСБ и МВД. Во всех газетах были опубликованы некрологи и репортажи. Казалось, что преступление будет раскрыто через неделю, через две, через месяц, через два, через год...

Глава 2

В этот раз ему прислали новое издание трудов Теодора Моммзена. Кроме фантастики, которая помогала развитию воображения, он любил читать все, что относилось к эпохе Римской империи, поражаясь, сколь точно повторяются перипетии распада мировых империй в разные времена. И теперь он наслаждался, листая «Историю Рима», когда раздался телефонный звонок.

– Добрый вечер, – раздалось в трубке. Он узнал знакомый голос Владимира Владимировича.

– Кажется, опять по мою душу, – пошутил он.

– Ты, как всегда, прав. Впрочем, ты ведь знаешь, я не беспокою тебя по пустякам.

Владимир Владимирович был бывшим сотрудником советской разведки, давно вышедшим на пенсию. Он выполнял в Москве негласную роль связного Дронго, проверял информацию, передавал просьбы заказчиков, которых в последние годы становилось все больше и больше.

– Что-нибудь случилось?

– Пока нет. Но некоторые люди хотели бы встретиться с тобой. И обговорить кое-какие моменты интересующих их вопросов.

– Это достойные люди?

– Весьма. Они достаточно интересные и достаточно влиятельные. Ты меня понимаешь?

Когда Владимир Владимирович говорил так, к его словам стоило прислушиваться. Больше двадцати лет он был нелегалом ПГУ, а теперь работал в музее новой службы внешней разведки России. Как шутили знакомые – в качестве живого экспоната.

– Вы хотите, чтобы я прилетел в Москву? – уточнил Дронго.

– По-моему, ты сам этого хочешь, – резонно заметил его собеседник.

– Когда?

– Чем быстрее, тем лучше. Думаю, если ты не поторопишься, они попытаются сами выйти на тебя.

– Серьезные люди, – пробормотал Дронго, – хорошо, Владимир Владимирович. Завтра прилечу в Москву. Можете назначить встречу на послезавтра.

– Ты еще не взял билет, – ворчливо заметил старик.

– Ну, с этим проблем не будет, – засмеялся Дронго.

На следующий день он вылетел в Москву. Он давно уже попеременно жил в двух городах, разделяя свое существование между столицами двух государств, некогда объединенных единой страной. Самолеты, которые он ненавидел, стали неотъемлемой частью его жизни, и он уже привык подавлять смутение при посадке в авиалайнеры.

Москва встретила его дождем и холодом. Весна в этом году явно запаздывала, и в апреле на улицах города было все еще слякотно и промозгло. Приехав домой, он принял душ, поставил чайник и лишь после этого позвонил Владимиру Владимировичу.

– Я уже в Москве.

– Оперативно, – похвалил его старик. – Ты можешь заскочить ко мне прямо сейчас?

– Мы ведь договаривались на завтра.

– Будет лучше, если ты приедешь прямо сейчас, – настаивал Владимир Владимирович, и Дронго устало согласился.

– Сейчас приеду. Но я даже не успел чаю попить.

– Это поправимо, – хмыкнул Владимир Владимирович.

Через полчаса он уже сидел в уютной квартире Владимира Владимировича, наслаждаясь горячим чаем, приготовленным для него стариком.

– Как ты долетел?

– Это дань вежливости, или вы так начинаете разговор?

– Мне интересно, как ты проходишь государственную границу, – невозмутимо ответил Владимир Владимирович. – Твоя личность достаточно известна, и я думаю, что пограничники обязаны знать тебя в лицо.

– Во всяком случае, по числу переездов я рекордсмен. Провожу в воздухе больше времени, чем на земле, – признался Дронго, – хотя ненавижу самолеты. Но, по-моему, они платят мне той же монетой. Хотя бы один раз в месяц что-нибудь да случается. Я уже устал бояться.

– Это не самое страшное, что может быть в жизни, – философски заметил Владимир Владимирович. – При твоём образе жизни подобные вещи почти обязательны.

– Зачем вы меня позвали? – спросил Дронго. – Неужели только для того, чтобы узнать, как я прохожу пограничный контроль?

– Нет, конечно, – улыбнулся Владимир Владимирович, – с тобой хочет встретиться новый заместитель директора ФСБ.

– Если они предлагают мне работу, то я откажусь. Вы же знаете мои принципы.

– Они хотят предложить тебе самостоятельное расследование.

– По-моему, у них уже восстановили следственное управление. Есть целый штат высококвалифицированных следователей, которые могут провести любое расследование. Вам не кажется, что мне лучше не связываться с подобной организацией?

Вместо ответа Владимир Владимирович положил несколько газет на стол.

– Просмотри, пока я ужин разогрею, – пробормотал он, выходя на кухню.

Дронго с интересом развернул газеты, обратив внимание на даты. Два года назад. Читать старые газеты было по-своему занимательно и поучительно. Словно из будущего попадаешь в прошлое, но уже более мудрым, более умным. Он сразу обратил внимание на громкие заголовки центральных газет. Множество материалов, посвященных убийству известного московского тележурналиста Алексея Миронова. Преступление вызвало целый шквал публикаций на страницах центральных газет. Была создана специальная комиссия по расследованию обстоятельств убийства. Два года назад...

Он отложил газеты. За это время следствие не продвинулось ни на шаг. Несмотря на все усилия, предпринимаемые прокуратурой, ФСБ и милицией, так и не удалось установить, кто именно и почему оказался заинтересованным в смерти Алексея Миронова. И хотя расследование формально не было завершено, юридически оно «повисло», считаясь почти «тухлым» и наверняка не перспективным.

Владимир Владимирович принес две тарелки с разогретыми домашними котлетами, которые привозила ему его дочь. Он жил один, жена умерла много лет назад, во время его очередного пребывания за рубежом, а он так никогда и не смог простить себе, что не сумел приехать на ее похороны.

– Можешь съесть одну котлету, – строго буркнул старик, – но только одну. Тебя ведь наверняка кормили в самолете? Ты у нас буржуй, летаешь только первым классом.

– Поэтому и успеваю повсюду, – пробормотал, соглашаясь, Дронго и подвинул к себе тарелку.

– Прочитал? – спросил его Владимир Владимирович, доставая из стоявшего за его спиной серванта большой хрустальный графин с темно-красной жидкостью. В этом доме еще хранились традиции старого московского уклада – алкогольные напитки подавали исключительно в хрустальных графинах. Разлив настойку по рюмкам, Владимир Владимирович привычно зажмурился, поднял рюмку и, быстро пробормотав: – За твоё здоровье, – выпил. Дронго тоже поднял свою рюмку. Здесь не было принято чокаться. Он кивнул старику и чуть пригубил напиток. Настойка была вкусной, но он не любил алкоголя.

– Позвали из-за журналиста? – спросил Дронго.

– Как это ты догадался? – съязвил старик. – Конечно, из-за него. Расследование практически застряло. За два года они ничего не смогли найти. А несколько дней назад Президент вызвал Генерального прокурора и устроил ему публичную порку за плохое расследование «громких» преступлений. Досталось и директору ФСБ.

– И они решили сразу обратиться ко мне? – угрюмо поинтересовался Дронго.

– Нет, конечно. Просто в ФСБ недавно назначен новый заместитель директора, который наслышан о твоих «подвигах». Он и предложил использовать тебя в качестве источника получения информации. Иначе говоря, они решили предложить тебе самостоятельно провести новое расследование.

Дронго аккуратно отложил вилку. Поднял голову.

– И вы считаете, что я могу добиться успеха там, где его не добились лучшие следователи страны? Вам не кажется, что они несколько переоценивают мои возможности?

– Нет, не кажется. Человек, который с тобой встретится, новый заместитель директора ФСБ, просто убежден, что расследование зашло в тупик не потому, что там были плохие следователи. А из-за постоянного давления, которое на них оказывают со всех сторон. В том числе и со стороны руководства правоохранительных органов. С одной стороны, им нужен результат, и они подгоняют расследование. С другой, им важно не допустить шумного скандала вокруг расследования, максимально ограничив число подозреваемых. И все это при нынешней нестабильной ситуации в России они сделать просто не могут. Значит, выход только один – пригласить независимого эксперта, который проведет независимое расследование, не опасаясь давления со стороны. Поэтому они и решили обратиться именно к тебе.

– И вы сами верите, что «независимый эксперт» может сделать больше, чем следователи, имеющие в своем распоряжении целый аппарат? – с явной иронией уточнил Дронго. – По моему, это наивно.

– А по-моему, нет, – упрямо возразил старик. – На его месте я бы поступил точно так же. Когда нет никаких шансов на успешное расследование, нужно использовать любую возможность. Вот ты и стал такой возможностью.

– Спустя два года, – напомнил Дронго. – Если даже поверить в чудо, что я смогу вычислить, кто именно это сделал, то где гарантия, что киллера уже давно не закопали где-нибудь за городом? Преступление было громким, убийство Миронова наделало много шума. Вы же сами говорили, что о нем знал даже Президент. И если преступление до сих пор не раскрыто, то дело тухлое.

– Ты отказываешься? – спросил Владимир Владимирович.

Дронго помолчал. Потом снова взял вилку.

– Конечно, нет. Вы же знаете, чем сложнее расследование, тем интереснее. Умом я понимаю, что обязан отказаться. Дело наверняка будет грязное, скандальное и очень неприятное. Но раз вы меня позвали, то должно быть еще какое-то обстоятельство, которое вы пока мне не сообщили. Должен быть еще один аргумент, который перевесит мои сомнения и возражения.

Владимир Владимирович улыбнулся. Дронго был неподражаем. Он умел просчитывать почти все возможные варианты и по праву считался лучшим аналитиком среди экспертов СНГ.

– Ты, как всегда, прав, – кивнул старик, – есть еще одно обстоятельство, о котором я не хотел говорить тебе сразу, но раз ты так ставишь вопрос... – Он разлил содержимое графина в рюмки, наполняя свою и чуть доливая собеседнику. После чего поднял рюмку.

– За твой успех. Я всегда в тебя верил.

Дронго угрюмо кивнул.

– Спасибо, – пробормотал он.

Старик аккуратно выпил до дна. Дронго на этот раз отпил почти половину.

– Я всегда в тебя верил, – повторил Владимир Владимирович. – Все дело в том, что в ФСБ произошли за эти два года существенные перемены. Как, впрочем, и в МВД. Новые люди

хотят точно знать, кто и почему отдал приказ о ликвидации Миронова. Меняются приоритеты, меняются ориентиры, и в подобных условиях людям, чтобы выжить, нужна правда. А убийство Алексея Миронова – это как раз тот случай, который больно задел руководителей правоохранительных служб. В общем, если хочешь знать, это далеко не личная инициатива заместителя директора ФСБ. За ним стоят солидные люди, которым просто надоел дикий беспредел и которые стремятся хоть как-то упорядочить нынешнюю жизнь в России.

– Красиво, но бессодержательно, – прокомментировал Дронго. – Просто одна группа политиков, дорвавшаяся теперь до власти, хочет доказать свою правоту другой группе политиков. Как это бывало много раз. И как это случается теперь.

– Можешь считать и так, – согласился Владимир Владимирович, – тем не менее завтра мы поедем на конспиративную квартиру для встречи с нашим клиентом.

– Какие условия?

– Никаких условий, никаких ограничений. Им важно знать, кто и почему это сделал. Конкретный исполнитель даже не столь важен, как конкретный заказчик. Ты меня понимаешь?

– Приятная перспектива. Сроки?

– От силы два-три месяца.

– Вы можете объяснить, почему именно такой срок? Впрочем, не надо. Я, кажется, догадываюсь. Грядет кампания очередных выборов?

– Да, – кивнул Владимир Владимирович.

– Все ясно, – выдохнул Дронго. – Кажется, меня снова затянули в очередную авантюру. И самое поразительное, что я снова соглашусь.

– Ты не спросил про гонорар, – напомнил Владимир Владимирович.

– А наш клиент готов даже оплачивать мои услуги? – улыбнулся Дронго. – И на какую сумму я могу рассчитывать?

Его собеседник не стал выжидать эффектной паузы. Просто сухо произнес:

– Миллион долларов.

Дронго не ахнул. Он отодвинул тарелку, допил содержимое рюмки и только после этого сказал:

– Кажется, действительно очень серьезное дело. Я могу узнать, откуда у заместителя директора ФСБ лишние миллионы долларов?

– Деньги заплатит крупный банк, который поддержит на выборах политиков, входящих в один блок с нашим клиентом, – пояснил Владимир Владимирович.

– Весьма неопределенно, но достаточно ясно.

– Ты согласен?

– Конечно. Но я бы хотел получить и материалы официального расследования. Материалы, которые есть у следователей...

– Пожалуйста, – согласно кивнул Владимир Владимирович. – У меня есть полная копия всех материалов расследования. Ты будешь читать прямо сейчас?

– Вам дали копии всех документов? – не поверил услышанному Дронго.

– Я тебя когда-нибудь обманывал?

– Да, действительно, глупый вопрос. Признаюсь, что вы меня довольно серьезно раззадорили. В котором часу у нас завтра встреча?

– Утром я заеду за тобой. Часов в десять, тебя устраивает?

– Договорились, – поднялся Дронго, – спасибо за ужин.

Он направился к двери.

– Ты больше ничего не хочешь спросить?

Дронго обернулся, но ничего не сказал.

– Например, фамилию заместителя директора ФСБ, с которым ты завтра должен встретиться, – выразительно сказал Владимир Владимирович.

– Не хочу. Я уже знаю – Потапов, – пожал плечами Дронго, выходя из комнаты.

Владимир Владимирович покачал головой, не скрывая своего изумления. Он по-настоящему любил Дронго и восхищался талантами своего молодого друга. Потом подошел к телефону, набрал известный ему номер и сказал только два слова:

– Он согласен.

– Встречаемся как договорились, – ответил ему невидимый собеседник.

Владимир Владимирович положил трубку и осторожно вздохнул. Если даже заместитель директора ФСБ не доверяет собственному телефону, то в какой стране они все живут. И в какой же стране будет действовать Дронго, проводя, возможно, самое сложное и самое опасное расследование в его жизни.

Глава 3

Ровно в десять часов Владимир Владимирович подъехал к дому Дронго на такси. Через несколько минут они уже направлялись в центр города. Им пришлось выполнить рутинный, но необходимый ритуал: менять машины и направления, ждать и снова двигаться. Наконец, выйдя из машины и пройдя мимо нужного дома, они убедились в том, что слежки нет. И только после этого вошли в дом. Оба профессионала очень хорошо представляли себе, как подобные «мелочи» влияют на течение операции.

Квартира, куда они направлялись, находилась на четвертом этаже. Дверь им открыли почти сразу, очевидно, охранник сидел у двери, так как рядом с вешалкой стоял стул. Они прошли по коридору, вошли в комнату. У окна стоял лысеющий, сравнительно молодой человек невысокого роста. Услышав шаги гостей, он отвернулся от окна.

– Здравствуйте, – строго сказал он, не протягивая руки. – Садитесь, пожалуйста.

Дронго кивнул ему в знак приветствия и прошел к столу. Владимир Владимирович тоже кивнул и, опираясь на свою палку, вышел из комнаты, мягко закрыв за собой дверь. Хозяин конспиративной квартиры прошел к столу, сел напротив Дронго. От того не ускользнуло, с каким интересом он на него смотрит.

– Вы Дронго, – утвердительно сказал хозяин.

– А вы генерал Потапов, – также утвердительно произнес Дронго.

– Откуда вы меня знаете? – быстро спросил генерал. – Разве мы раньше встречались? Или вам рассказал обо мне Владимир Владимирович?

– Да нет, просто я читал о вашем назначении. Вас считают ставленником крупного банковского объединения. Новым человеком в ФСБ, призванным усилить роль этой организации в стране. Кажется, там именно так было написано.

– Журналисты вечно что-нибудь напридумывают, – нахмурился Потапов. – Без скандалов и дня прожить не могут. Ну, будем считать, что мы познакомились.

У него было блеклое, невыразительное лицо с немного выпученными большими глазами. Он смотрел на своего собеседника не мигая. Но на Дронго трудно было подействовать даже таким взглядом. Он улыбнулся:

– Кажется, вы не очень любите журналистов.

– С чего вы взяли?

– Вы же сами сказали, что они не могут жить без скандалов.

– Это еще ничего не значит, – возразил Потапов. – Вы знаете, зачем мы вас пригласили?

– Вы действуете по чьему-либо поручению или проявляете личную инициативу? – ответил вопросом на вопрос Дронго.

– Это моя личная инициатива, – нахмурился Потапов.

– В таком случае мне нужно знать, кто скрывается за словом «мы». Или вы говорите о себе во множественном числе?

Генерал ФСБ вспыхнул, дернулся, но сдержался и процедил сквозь зубы:

– Меня предупредили, что вы необычный собеседник. Кажется, вам удалось вывести меня из состояния привычного равновесия. Это ваш типичный прием, к которому вы обычно прибегаете?

– Не всегда. В данном случае по вашей реакции я могу понять, насколько сильно я вам нужен.

– И что вы поняли? – спросил, криво усмехнувшись, генерал.

– Что я вам нужен, очень нужен. Настолько нужен, что вы даже согласны терпеть мои хамские выходки. Значит, вы не совсем точны, когда говорите о вашей личной инициативе. Я думаю, что лично вы больше не позволили бы мне находиться в этой комнате ни одной секунды.

Получается, что вы все-таки действуете от имени и по поручению какой-то неизвестной мне группы лиц.

Генерал взглянул ему в глаза. Но первым отвел взгляд и, презрительно кривя губы, процедил:

– С такими аналитическими способностями вам нужно выступать в цирке. Вам еще никто не советовал туда обратиться?

– Пока нет.

– Значит, это мое рационализаторское предложение, – грубо сказал генерал. – Держите свои выводы при себе, пока про них не спрашивают. Иначе мы действительно расстанемся, даже не начав разговаривать. И впредь постарайтесь воздерживаться от комментариев.

– Это совет?

– Это условие нашей работы, – желчно заметил генерал. – Вам уже сообщили о нашем предложении?

– Расследовать убийство журналиста Миронова?

– Я не об этом. Я говорю об оплате.

– Миллион долларов, – усмехнулся Дронго, – приличная сумма.

– Нам нужно знать имя убийцы и его заказчиков. Имя и мотивы преступления. Разумеется, если вы найдете киллера, то должны будете представить веские доказательства, что именно он убил Алексея Миронова. И почему убил. Мы будем вам очень признательны, если вы доставите киллера к нам живым. Вам понятны наши условия?

– Вполне. Сколько у меня времени?

– Максимальный срок – два месяца. Но постарайтесь уложиться в полтора. Как видите, времени совсем немного.

– У меня будут помощники?

Генерал удивленно посмотрел на него. Потом медленно сказал:

– Это ваше личное дело. Если хотите, можете нанять себе хоть сотню подручных. За такие деньги можно найти добровольцев. Мы согласны выплатить часть суммы авансом.

– Спасибо. Я привык брать деньги за уже сделанную работу. Но мне нужно знать, кто именно от вас будет работать со мной. Мне нужен человек от вашей организации, с которым я мог бы поддерживать оперативную связь.

– Чем вас не устраивает Владимир Владимирович?

– Именно потому, что он меня очень устраивает, я бы не хотел подставлять его в таком сложном деле. Он давно на пенсии, несколько утратил реакцию и навыки профессионала. И самое главное – не сможет оперативно со мной связываться, – вдохновенно врал Дронго.

Но сидевший перед ним генерал был не просто карьерным чиновником, присланным в ФСБ. Это был профессиональный контрразведчик, несмотря на свой относительно молодой возраст, прошедший все ступени служебной лестницы. Он понимающе улыбнулся.

– Не хотите подставлять своего связного. Жалеее старика.

– И жалею тоже, – невозмутимо ответил Дронго. – Не стоит просто так подставлять Владимира Владимировича. Он свое уже отдал. Ему поздновато влезать в такие дела.

– Хорошо, – согласился генерал. – Мы дадим вам нашего офицера для связи. Я пришлю его вечером к Владимиру Владимировичу, чтобы вы могли познакомиться. В восемь вечера.

– Спасибо. Вы меня очень обяжете. Но лучше не там. Лучше, если мы познакомимся на этой конспиративной квартире.

– Все-таки не доверяете нам, – криво усмехнулся Потапов. – Ладно, пусть будет по-вашему. Я пришлю нашего офицера в восемь часов вечера прямо сюда. Надеюсь, без своего напарника вы найдете этот дом?

– Обязательно найду, – кивнул Дронго, – я неплохо знаю Москву.

– В этом я как раз не сомневаюсь, – согласился Потапов. – Вам понятно ваше задание?

– По-моему, да.

– Ваша задача найти убийцу Алексея Миронова и, конечно, того, кто заказал и оплатил это убийство. По-моему, миллион долларов очень приличный гонорар за подобную работу.

– По-моему, тоже, – вежливо согласился Дронго. – Я постараюсь найти и исполнителя этой гнусной акции, и его заказчиков. Ничего заранее обещать не могу, но постараюсь найти. Тем более что убитого знала вся страна. Он был достаточно самобытный и симпатичный журналист.

– Спасибо и за это, – пробормотал Потапов, – это уже лучше. Но у нас есть еще несколько условий.

– Каких же?

– Прежде всего вы действуете исключительно по собственной инициативе и желанию. Если даже вы совершите ошибку и вами заинтересуются следователи ФСБ или МВД, то и тогда вы должны твердо стоять на этом. Мы не сможем вам помочь. Официально расследование ведет группа сотрудников республиканской прокуратуры и ФСБ. Мы просто от вас откажемся, заявив, что вы обычный авантюрист. Вам понятно?

– Вполне. Вы хотите съесть яичницу, не разбив яйца. Что еще?

– Забыть о нашей встрече и забыть мою фамилию. Забыть как можно быстрее. Это и в ваших собственных интересах.

– Все ясно. Я уже забыл и то, и другое. Еще что-нибудь?

– Если вы сумеете выйти на заказчиков преступления, то и в этом случае все сведения передаются исключительно мне. Никаких журналистов, никаких пресс-конференций, никаких сенсаций, кто бы там ни был. Только при соблюдении этого условия вы получаете свой гонорар. И сразу уедете из Москвы, забыв обо всем. Если, конечно, вы добьетесь успеха. Но если даже не добьетесь, то и в этом случае я не рекомендую вам распространяться на тему, кто и почему просил вас найти заказчиков убийства Алексея Миронова. Надеюсь, вы правильно меня понимаете?

– Эпоха гласности в КГБ закончилась, не успев начаться, – пошутил Дронго. – Я все понял. Собственно, ничего необычного вы мне не сказали. Я с самого начала был уверен, что за такой гонорар обязан буду передать именно вам всю полученную информацию. И, конечно, вы не станете мне помогать ни при каких условиях. Я к этому привык. Иначе незачем приглашать независимого эксперта. У вас достаточно собственных следователей и офицеров, чтобы расследовать любое преступление, не прибегая к моим скромным услугам. Но вам нужна абсолютная анонимность и секретность, которую может обеспечить только человек, приглашенный со стороны. Я согласен на ваши условия.

– Вы уже ознакомились с материалами дела?

– Да.

– Тогда можете приступать. Я прикажу подготовить для вас некоторую сумму в качестве аванса. На первоочередные расходы. Получите сегодня вечером.

– Но вы еще не выслушали мои условия, – напомнил Дронго.

– Что? – изумился генерал, не скрывая своего возмущения. – У вас тоже есть условия?

– А вы считаете, что обладаете на них монопольным правом?

– Какие у вас условия? – не стал ввязываться в спор генерал. – Что вы еще хотите? Вас не устраивает сумма?

– Вполне устраивает. Меня не устраивает ваша реакция на мои слова. Во-первых, я буду работать так, как хочу. И давать вам информации ровно столько, сколько будет нужно, пока не выйду на настоящих исполнителей и заказчиков преступления. Во-вторых, мне нужна более конкретная помощь вашего офицера, которого вы пришлете ко мне для связи. Или ваша лично, мне все равно.

– В чем должна выражаться такая помощь? Заниматься расследованием вместо вас? – желчно осведомился генерал ФСБ.

– Конечно, нет. Но мне нужно поговорить с женой, вернее, вдовой покойного. С его друзьями и коллегами.

– Говорите, – не понял генерал.

– Боюсь, что без вашей рекомендации мои попытки завязать с ними разговор могут окончиться безрезультатно. А вас, как я понял, очень сильно поджимает время.

Генерал задумался. Он понимал, что его собеседник прав. Расследование не должно затягиваться, но, с другой стороны, они не могут ждать, пока этот нахальный одиночка сумеет познакомиться со всеми свидетелями, которые ему нужны. Значит, нужно немного подтолкнуть свидетелей к разговору с Дронго. Но сделать это таким образом, чтобы никто ничего не понял.

– Вы можете составить список тех, с кем именно вы хотите встретиться? – спросил наконец Потапов.

– Я передам вам его сегодня вечером, – кивнул Дронго.

– Думаю, мы сможем вам помочь, – довольно неопределенно произнес генерал, – но вы не должны злоупотреблять нашим согласием.

– Разумеется, – согласился Дронго, – больше никаких условий у меня нет.

– До свидания, – произнес Потапов, не двигаясь с места. Он не встал, не пожал гостю руку, ничего не сказал на прощание. Просто сидел и смотрел, как тот поднимается со стула и идет к двери. Дронго, не оборачиваясь, вышел, плотно закрыв дверь. Прошел по длинному коридору, подошел к охраннику, вскочившему при его приближении. Тот открыл дверь, и Дронго, подмигнув ему на прощание, вышел на лестничную площадку.

– А где мой напарник? – спросил он у закрывающего двери охранника. Тот неопределенно пожал плечами.

– Ты еще и глухонемой, – сказал Дронго, – как вас хорошо муштруют. – Охранник закрыл дверь, и Дронго начал спускаться по лестнице. Он уже давно решил, с кем именно будет беседовать, начиная это расследование. И первой в его списке значилась вдова покойного.

Глава 4

Утром привычно зазвонил будильник, и Павел открыл глаза. Вчерашняя норма спиртного оказалась слишком большой, и он тяжело потряс головой. Голова была тяжелой и неподвижной. Он с трудом поднялся с постели. Если бы не важная встреча, он ни за что не вылез бы из-под одеяла. Но свидание слишком важное, чтобы позволить себе так просто пропустить его.

Он сел на кровати, с отвращением оглядываясь вокруг. С тех пор как он переехал в эту четырехкомнатную квартиру, у него все еще не хватало времени как следует привести здесь все в порядок. И хотя мебель была давно расставлена, все еще чувствовался скользкий холод нежилого помещения, словно сам дом отторгал своего владельца, бывавшего в нем лишь урывками.

Павел Капустин был популярным ведущим на телевидении. Более того, он был одним из основных акционеров того самого канала, на котором теперь вел одну из самых популярных программ «Судьба человека». В ней выступали известные политики, бизнесмены, деятели культуры и искусства. Шоу было не просто популярным, по рейтингам популярности оно неизменно входило в тройку самых «смотрибельных» передач.

За два года, прошедших после смерти Алексея Миронова, бывший оператор Павел Капустин прошел стремительный путь от никому не известного новичка до популярного телеведущего. Симпатичный, ладно скроенный, к тому же обладающий некоторой развязностью в сочетании с крестьянским говором, который невозможно было истребить, Капустин быстро стал одним из самых популярных телеведущих. Зрители сразу признали в нем «своего» человека. Им импонировали его нарочитая развязность, его пренебрежение к церемониям и наглые вопросы, которыми он часто ошарашивал своих собеседников.

Капустин довольно быстро нашел свой «пунктик», выразившийся в предельном цинизме по отношению к собеседникам и умении задеть их за самое больное место. Для своей передачи он держал целый штат сотрудников, которые добросовестно выискивали самые неприятные и самые уязвимые моменты биографии людей, с которыми он собирался беседовать. В результате получалось настоящее «полоскание грязного белья» на глазах у миллионов людей, что в конечном счете вызывало еще больший интерес к скандальной передаче. Собеседники, не ожидавшие столь яростного напора ведущего, довольно быстро сдавались и покорно подставлялись под его язвительные вопросы.

«Срабатывала» и его фронтовая биография. Все знали, что он воевал в Афганистане. Само отношение к Афганистану в стране прошло три разных этапа. Во времена Советского Союза и вторжения в Афганистан это была почетная и трудная «интернациональная» миссия. В период распада единой страны и полного отрицания прежней истории служба в Афганистане и вообще война в этой стране рассматривались как результат позорной политики бывшего руководства КПСС и Советского государства, а люди, служившие в Афганистане, считались захватчиками и подлецами. Все изменилось в середине девяностых годов, когда целый ряд военных конфликтов в бывших республиках некогда единой страны заставил людей еще раз пересмотреть свои взгляды. Особенно показательно разделились взгляды на военные действия на Северном Кавказе, когда ветераны Афганистана снова стали героями и патриотами, честно выполнявшими свой долг и не отвечавшими за действия «преступного правительства».

Биография Капустина работала на него. Он был настоящим кумиром молодежи, видевшей в его развязности и наглости свой идеал. Его передача становилась все более популярной, а он – обеспеченным человеком, давно переехавшим из коммуналки в другую квартиру. Сначала это была своя однокомнатная квартира в Мытищах, затем двухкомнатная поближе к центру и, наконец, четырехкомнатная в центре.

С прежней девушкой он тоже расстался. Теперь у него была масса новых знакомых, и он даже позволял себе иногда оставаться у Светланы, той самой артистки, с которой его познакомил в последний день своей жизни Алексей Миронов. Света особенно не возражала, и его устраивали их отношения. Это были дружеские отношения двух деловых партнеров, если не считать мимолетных интимных встреч, которые больше походили на короткую и обязательную гимнастику, чем на настоящие чувства. Он поддерживал похожие отношения еще с несколькими молодыми женщинами, не торопясь вступать в брак.

Он прошел в ванную комнату. Голова по-прежнему сильно болела. Он почистил зубы, с отвращением глядя на себя в зеркало. Светские приемы и встречи были обязательным атрибутом его жизни. На таких тусовках можно было узнать последние новости, свежие сплетни, подробную информацию о большинстве людей, чьи имена были на слуху и обладатели которых могли стать персонажами будущих телевизионных передач Павла Капустина.

Вместе с тем он хорошо знал «правила игры» в этих компаниях. Он никогда не лез в политику, всячески демонстрируя свою строгую аполитичность, он не позволял себе никаких увлечений ни одной партией, одинаково сильно бичуя и левых, и правых. Он не выступал против «сильных мира сего», всегда помня о той неведомой грани, переступив которую он мог разделить судьбу Алексея Миронова.

Сегодня у него должна была состояться важная встреча с одним из руководителей центрального канала, фактическим владельцем мощной финансовой империи, имевшей программу на телевидении и радио, коммерческий канал и целый ряд газет и журналов. Павел понимал, как много зависит от подобной встречи, и поэтому не стал с самого утра «опохмеляться», просто подставил голову под холодный душ в надежде, что все пройдет до двенадцати часов дня.

В половине десятого он уже выходил из квартиры, надев темный твидовый пиджак, купленный недавно в Германии, и серые брюки. Галстуки он не любил, предпочитая различные платки в стиле «Вознесенского», столь нелюбимого им поэта, интервью с которым он никак не решался сделать. Он вообще не любил людей искусства и культуры, считая их зазнавшимися снобами, и с особым удовольствием выставлял напоказ их слабости и недостатки. Однако предпочитал не общаться с мастерами слова, которые могли переиграть его на его же поле. И поэтому его «жертвами» становились большей частью малоразговорчивые композиторы, угрюмые художники, косноязычные критики, даже писатели, язык у которых был подвешен не столь ловко, как перо, которым они владели в совершенстве.

Рядом с домом стояла его «Ауди». Он сел в машину, привычно кивнул охраннику, вырывая со стоянки. Он еще должен был успеть на телевидение, чтобы посмотреть материалы своего последнего интервью с известным бизнесменом, которого он в течение почти двух часов всячески третировал и оскорблял. Бизнесмен был полным, импозантным человеком лет сорока пяти, к тому же «кавказской национальности», и представлял отличный объект для издевательств. Он покорно терпел нападки Капустина, вздыхал, мычал, отделялся односложными высказываниями. К тому же он говорил по-русски с осязательным акцентом, и Капустин сумел сделать из своего героя мифический персонаж «инородца», виновного во всех современных бедах россиян.

Теперь он с удовольствием предвкушал монтаж передачи и ее показ по телевидению в самое удобное для зрителей время. Он не сомневался, что передача получится. Слишком сильно и зло он бил банкира, который несколько раз глупо подставился под его наглые и каверзные вопросы.

Банкир знал, что передача может получиться достаточно острой и неприятной, но сознательно шел на этот разговор. Как и большинство других «жертв» Капустина, он считал, что сумеет противопоставить агрессивной наглости тележурналиста свою собственную позицию,

уверенно парируя выпады в свой адрес. Это была типичная ошибка, которую делало большинство несчастных «жертв» Павла Капустина.

Неистребимое тщеславие, обуревавшее всех известных людей, побуждало их принимать предложение Капустина и автоматически попадаться в тот капкан, в который они загоняли сами себя. Им казалось, что плюсы от известной передачи в сочетании с широкой рекламой гораздо важнее, чем некоторые мелкие уколы журналиста. Большинство не понимало, что служит всего-навсего фоном для отработки агрессивных вопросов Капустина. И именно поэтому его передачи получались такими интересными и злободневными. Каждый из его собеседников, поначалу уверенно парирующий вопросы журналиста, обычно к концу беседы сникал и пропускал сильные удары.

По спортивной терминологии Капустин был очень сильным боксером-стайером, который выматывал соперников в первых раундах, а затем наносил сокрушительные удары, когда они уже не могли стоять на ногах и тем более «держать удар».

На телевидении царил привычная суэта, когда он приехал туда. Почти готовый материал ему понравился. Он обращал внимание только на основные моменты передачи, пропуская все остальное. Детали были не столь важны, важен был сам дух, осязаемая энергетика.

– Слава, – позвал он своего помощника, – вопрос, как он относится к налоговой полиции, и его ответ нужно поставить в самый конец. Это должен быть гвоздь всей передачи, ее идейный стержень. Понимаешь? Сколько бы мы ни рассуждали о праве и законности, у нас ничего не получится, пока есть такие банкиры, как он. Давай еще раз мой вопрос.

Камера показала крупного человека, обильно потевшего и нервничающего. И подтянутого, улыбающегося Капустина, который спрашивал со своей невыразимо подлой интонацией:

– И как вы относитесь к налоговой полиции?

– Я их ненавижу! – рявкнул доведенный до крайности банкир.

– Вы считаете, что налоги платить не обязательно?

– Они бандиты, самые настоящие бандиты, – убежденно сказал банкир, – выколачивают деньги из работающих банков, считая, что им все позволено.

– Стоп! – крикнул Капустин. – Это хорошо. Только уберите его последние четыре слова. Пусть останется насчет «выколачивания денег». Остальное не нужно.

– Все понял, – кивнул Слава.

Павел поднялся, посмотрев на часы. Опаздывать было нельзя, а до назначенного времени оставалось около получаса.

– Вечером посмотрю еще раз, – сказал он Славе на прощание, – не забудь вырезать, что я тебе сказал.

– У нас есть один хороший кадр, – уже в коридоре догнал его Слава, – в один из моментов, когда вы с ним разговаривали, он незаметно сжал кулаки, а мы это засняли. Можно пустить эти кадры как раз в тот момент, когда он говорит о своей ненависти к налоговой полиции.

– Прекрасно, – обрадовался Капустин. – При монтаже может получиться очень неплохая сцена. Зрители любят такое.

– Где он говорит о своей семье, оставить? – спросил Слава.

Банкир, как и многие его сородичи, был образцовым семьянином и очень долго рассказывал о своей семье, о своих родителях, о супруге, о детях. Он не стеснялся признаваться в огромном уважении к своим родителям и чувстве благодарности к супруге, воспитывающей их детей.

– Уберите, – распорядился Капустин, – это ненужная сентиментальность. Мы испортим цельный образ. Я леплю из него настоящего кровососа, а ты хочешь сделать из него ангела. Убери все кадры, все до единого, где он говорит о своей семье.

– Я понял, – побежал к себе Слава.

На этот раз Павел сел в автомобиль, уже чувствуя себя гораздо лучше. Он вообще любил свою работу, это был своего рода наркотик, эффективнее приводивший его в нормальное рабочее состояние, чем любая выпивка.

К офису известной всей стране компании он подъехал без пятнадцати двенадцать. Оставив машину на охраняемой стоянке перед зданием, он вошел в вестибюль. Здесь все поражало роскошью и великолепием. Здание было построено уже в девяностые годы и отличалось продуманностью планировки и отделки.

На первом этаже его встретила эффектная молодая женщина, специально ожидавшая его приезда. Она была не просто красива, она была очень красива. В темном строгом костюме, в темных колготках, коротко подстриженная красавица сухо улыбнулась журналисту. Павел невольно облизнул губы, улыбаясь ей. Он привык к восторженным вздохам своих поклонниц.

Но на женщину он, кажется, не производил никакого впечатления. Она дежурно улыбнулась ему, кивнула охранникам, показывая на посетителя, которые пропустили его, они были предупреждены. Женщина пригласила Павла следовать за собой и пошла к лифтам в глубине здания. Павел поспешил за ней, невольно отмечая грациозность ее походки.

– Вы давно здесь работаете? – Он улыбался от предвкушения интересной встречи.

– Достаточно давно, – сказала она не оборачиваясь.

– Наверно, здесь интересно? – допытывался он, уже представляя, как дальше пойдет их разговор.

– Как везде, – сухо ответила женщина.

– А вам самой нравится?

– Это моя работа, – по-прежнему коротко ответила она.

– Скучно живете. – Он решил не обращать внимания на ее сдержанность. Возможно, что на людях она держится несколько скованно, а в кабине лифта будет совсем другой.

Она вошла в кабину первой. Он прошел следом, по-прежнему улыбаясь.

– А вы никогда не бывали на телевидении? – Его улыбка не должна была оставить сомнений, что женщина его заинтересовала.

– Иногда бывала, – кивнула она, глядя ему в лицо.

Он наклонился к ней, еще надеясь, что ее строгая поза всего лишь типичная уловка молодой женщины, пытающейся скрыть свой интерес к известному журналисту. Но она легко отстранилась от него, чуть усмехнувшись.

– Осторожнее, – с легким презрением в голосе сказала красавица, – вы можете упасть.

– И вы не хотите приехать к нам на телевидение? – Он все еще не мог поверить в собственное поражение, действуя уже по инерции.

– Нет, – решительно сказала она, не оставляя ему никаких шансов, – не хочу.

И вышла из лифта, звонко стуча каблукочками по мраморному полу. Он недоуменно пожал плечами и двинулся за ней следом. В приемной их встретила другая девушка, еще более эффектная, чем первая. Но, на взгляд Капустина, второй не хватало стильности, такой, как у первой. Сидевшая в приемной девушка была просто эффектной блондинкой, тогда как встречавшая его особа была женщиной с характером. А именно такие женщины всегда нравились Капустину. Но и вторая девушка не стала млеть от восторга, увидев его. Она просто взглянула на посетителя и равнодушно показала на кресло.

– Садитесь. – Кроме нее, в приемной находился еще молодой человек спортивного телосложения, очевидно, телохранитель или помощник босса. Капустин сел в большое кожаное кресло.

«Наверно, бельгийское», – с восхищением подумал он, осторожно трогая кожу. Он мечтал именно о таких креслах в своем офисе, но не мог пока позволить себе приобрести такую роскошь, стоившую не одну тысячу долларов.

Приемная растянулась метров на тридцать и состояла из огромных зеркальных шкафов, мягких уютных диванов, двух столиков для секретаря и телохранителя. По краям окон с затемненными стеклами спадали искусственные цветы. Скрытые лампы излучали мягкий свет. Повсюду чувствовалась рука опытного дизайнера, создавшего своего рода искусственный рукотворный мир в этом царстве бюрократии.

Женщина, что привела его в приемную, села напротив. Очевидно, в ее обязанности входило не только довести гостя до приемной, но и присутствовать при беседе самого босса с тележурналистом.

Он терпеливо ждал, когда стрелки часов сошлись на цифре двенадцать. Начал нервничать через десять минут. В двадцать минут первого он уже ерзал и откровенно покашливал. И наконец в половине первого не выдержал.

– Может, он забыл про нашу встречу? – спросил Капустин.

– Ждите, – коротко бросила ему девушка-секретарь. А первая женщина только добавила:

– Он не забыл.

«Подобное хамство будет ему дорого стоить», – привычно подумал Капустин, словно речь шла о его клиентах на беседах-эксекуциях.

В этот момент зазвонил телефон, стоявший на столике телохранителя. Тот поднял трубку, послушал. После чего произнес только одно слово «понял» и положил трубку. Быстро поднявшись, он подошел к одному из окон, находящихся напротив дверей в кабинет босса, и открыл его, проветривая помещение.

– Опять хочешь свежим воздухом подышать? – с улыбкой спросила секретарь.

– От этих кондиционеров у меня спина болит, – мрачно сказал парень, – ты ведь знаешь, что я не люблю кондиционированный воздух. И Хозяин не любит, когда...

Он не успел закончить фразу. В приемную в сопровождении двух телохранителей вошел сам Хозяин. Так называли его подчиненные, и Павел знал это. Сидевшая напротив Капустина молодая женщина быстро поднялась. Павел несколько замешкался, но тоже поднялся. Все замерли. В присутствии Хозяина чувствовалось какое-то напряжение. Секретарь натянуто улыбнулась.

– Добрый день, – мрачно сказал Хозяин.

Это был сравнительно молодой человек лет сорока пяти. Он с некоторым интересом смотрел на стоявшего перед ним журналиста, словно разглядывая забавный экспонат в коллекции своего зверинца.

– Здравствуйте, – кивнул Капустин.

В зеркалах отразились его чуть растерянная физиономия и уверенное холеное лицо Хозяина. Оба телохранителя замерли, сделав непроницаемые лица. Чуть заметный ветерок подул из открытого окна. Все невольно посмотрели в ту сторону. Павел тоже посмотрел в открытое окно. Напротив, на другой стороне улицы, виднелось большое многоэтажное здание какого-то министерства.

– Идемте ко мне в кабинет, – предложил Хозяин. Он, очевидно, считал, что извиняться за опоздание ему не следует.

Капустин молча кивнул. Он привык к подобному хамству сильных мира сего и особо не обращал на это внимания. Они шагнули к дверям кабинета, когда вдруг раздался резкий щелчок. Все испуганно обернулись, еще не понимая, что произошло. Капустин с ужасом увидел, как голова Хозяина разлетелась вдребезги...

Глава 5

Второй раз на конспиративную квартиру Дронго приехал, по-прежнему тщательно соблюдая все меры предосторожности. Даже более тщательно, чем в первый раз, ибо представлял себе реальную вероятность наблюдения за квартирой, на которой его принимал заместитель директора ФСБ. В том политическом раскладе, который сложился в Москве, когда сразу несколько очень мощных группировок боролись за влияние на Президента, все могло быть.

Но и на этот раз все меры предосторожности оказались излишними. Он не почувствовал наблюдения за собой, поднимаясь на уже знакомый ему этаж. В квартире сидел все тот же охранник, очевидно, выполнявший по совместительству и роль хозяина квартиры. Он узнал Дронго и кивнул ему.

На этот раз в комнате никого не оказалось. Дронго сел за стол, терпеливо ожидая, когда появится обещанный связной. Через несколько минут дверь открылась, и в комнату вошла высокая строгая женщина лет сорока. Она была в темном брючном костюме, на глазах темные очки. Она прошла к столу и, не говоря ни слова, села напротив Дронго. Только после этого она сказала:

– Здравствуйте.

– Добрый вечер. – Он смотрел на нее недоверчиво и строго. Он не любил работать с женщинами. Он вообще не любил работать с напарниками. В столь деликатном деле, как работа мозгов, ему не требовался напарник. В этом он был искренне убежден. Для связи ему нужны были только расторопные помощники. А напарники слишком часто подставлялись и слишком часто погибали. Он не мог запросто рисковать жизнями чужих людей. К тому же у него уже был печальный опыт, о котором он не любил вспоминать.

– Меня прислали к вам, – сказала она, твердо глядя на него. Голос у нее был сильный и ровный, какой бывает у уверенных в себе женщин.

– Вы будете работать со мной в паре? – уточнил он непонятно для чего. Здесь просто не мог появиться чужой человек.

– Вас что-то не устраивает? – холодно спросила женщина.

– Меня не устраиваете вы, – честно сказал он, – хотя лично против вас я ничего не имею. Меня не устраивает ваш пол.

Она как-то удивленно дернула головой. Темные очки скрывали ее глаза, но он увидел, как она улыбнулась.

– Вы всегда так ненавидели женщин, Дронго? – спросила она.

– Откуда вы знаете, как меня называют? – удивился он.

– Знаю, – уверенно ответила она, – я много про вас слышала. Вы тот самый знаменитый аналитик, о котором рассказывают столько легенд.

– Снимите очки, – попросил он.

Глаза у нее были молодые. Но строгие и немного печальные, словно она успела еще в молодые годы познать мудрость, недоступную большинству людей ее возраста. Он пригляделся. Нет, абсолютно точно, он никогда ее не видел.

– Мы раньше встречались? – на всякий случай спросил он.

– Нет, – покачала она головой, – никогда. Просто мне много рассказывал про вас наш бывший руководитель.

– Можно узнать его имя?

– Можно. Он погиб несколько лет назад. Генерал Меджидов.

– Вы были в группе «Октава»? – понял Дронго. – Вы работали вместе с ним.

Она кивнула головой. Теперь он понимал, кто именно сидит перед ним. По личному указанию всемогущего Андропова и с разрешения ЦК КПСС в 1974 году в Москве была создана

специальная группа «Октава», выполняющая наиболее деликатные задачи особо секретного характера и подчиняющаяся непосредственно Председателю КГБ. Именно тогда усилиями этой группы был ликвидирован информатор ЦРУ, сумевший попасть на работу в ЦК КПСС. Сотрудникам КГБ было строжайше запрещено вербовать или вести наблюдение за партийными чиновниками подобного ранга, чем и воспользовались американцы. Но агент Адонис провалил задание, а группа «Октава» сумела устроить ему автомобильную катастрофу, чтобы не компрометировать высший штаб партии и органы государственной безопасности.

На счету группы, засекреченной и для самих сотрудников КГБ, было немало громких дел, о которых никто и никогда не должен был знать. Дронго лично знал генерала Меджидова, возглавившего группу после генерала Гогоберидзе. Но даже он не мог предполагать, что в столь специфической группе, каковой являлась «Октава», вместе с опытными профессионалами могла действовать и молодая женщина. Несколько лет назад генерал Меджидов погиб при невыясненных обстоятельствах рядом со зданием центрального аппарата КГБ. Его сбила неустановленная машина, и у многих друзей и знакомых генерала имелось немало оснований думать о том, что автомобиль-убийца появился не просто так. Но об этом предпочитали не говорить.

И теперь перед Дронго сидела женщина, бывший сотрудник группы «Октава», которая уже давно стала такой же легендой в КГБ, какой был и сам Дронго.

– Вы работали с Кямалом Меджидовым? – спросил он, уточняя.

– Несколько лет, пока его не убили, – кивнула она.

– Как вас зовут?

Она улыбнулась.

– Вам сказать настоящую фамилию или придумать другую?

– Настоящую.

– Елена Львовна Сулова. Подполковник Сулова.

– Вы не родственница бывшего секретаря ЦК?

– Нет, – опять улыбнулась она, – не родственница. Я думала, о нем все уже забыли.

– Вы долго работали в группе «Октава»?

– Достаточно долго, – кивнула она, – только в КГБ обычно говорят не «Октава», а группа «О».

– Да, действительно, я уже забыл, – согласился он, – теперь я примерно представляю, кого именно ко мне прислали.

– А я знаю, с кем буду работать, – парировала она, – вы ведь тот самый Дронго, который сорвал работу нашей разведки в Ницце.

– Теперь я стал печально знаменитым, – пробормотал он, – меня, наверно, скоро обвинят и в том, что я передал документы ПГУ англичанам.

– В этом тоже обвиняют, – улыбнулась Сулова.

– Ничего я им не передавал. Я набил два чемодана старыми французскими газетами и оставил их в номере. А уже ваш бывший сотрудник полковник Савельев продал их за миллион с лишним долларов. Но я не думаю, что из старых газет можно узнать о вашей агентуре в Литве.

– Вы меня почти убедили, – сказала Сулова, – хотя в службе внешней разведки до сих пор считают, что вы невольно помешали ее сотрудникам привезти документы в Москву.

– Не невольно, а сознательно, – возразил Дронго, – мне почему-то стало жаль литовцев. Маленькая страна, которая так хочет что-то построить. Мне показалось важным, чтобы у них появился и свой шанс.

– И вы всегда даете шанс другой стороне?

– Не всегда. Только в тех случаях, когда мои убеждения не расходятся с представлениями о моем долге.

– Надеюсь, в нашем случае они не разойдутся, – пробормотала Сулова. – Меня вытащили сюда специально для работы с вами, посчитав, что я идеальный кандидат в ваши связные.

– Если бы вы не сказали про «Октаву», я бы еще сомневался, но теперь у меня нет никаких возражений.

– И вас устраивает даже мой пол? – улыбнулась она.

– Кажется, я начинаю любить женщин, – пошутил Дронго, – хотя по-прежнему считаю, что в нашем деле лучше иметь дело с мужчинами.

– Мы примерно одного возраста, и ничего удивительного, если мы будем встречаться с вами по вечерам, – сухо сказала Сулова. – Мне приказали быть постоянно рядом с вами. И оказывать вам всяческую помощь. Кроме того, я привезла деньги, которые лежат в черном портфеле. Он стоит в коридоре.

– Это не самое главное, – отмахнулся Дронго, – вот здесь, – он достал из внутреннего кармана пиджака, – список людей, с которыми я должен встретиться. И первая встреча у меня запланирована со вдовой покойного.

Елена взяла список, внимательно изучила его. Потом подняла глаза на Дронго.

– Я не совсем поняла, что значит «его близкие друзья». Вы еще не знаете, кто конкретно вам нужен?

– Конечно, не знаю. Я вообще только вчера узнал о деле, которым буду заниматься. И я пока еще не знаю близких друзей нашего фигуранта. Так что нужно узнать, с кем он близко дружил последние несколько лет. Самые близкие друзья. Мне нужны их фамилии и адреса. Хотя думаю, что уже сейчас могу набросать примерный список людей, которых уже допрашивали следователи. Но мне нужен другой список, проверенный и уточненный. Возможно, что следователей интересовали только люди, которые так или иначе могли помочь расследованию. А мне нужны его близкие друзья независимо от того, где именно они были в момент совершения преступления. Даже если они находились в экспедиции на Северном полюсе. Мне важна не криминальная сторона вопроса, а психологическая. Я должен прочувствовать настроение убитого, его состояние за несколько дней до убийства, за несколько месяцев... Мне нужна динамика его самочувствия, самоощущения.

– Это можно сделать, – кивнула Сулова.

– Но прежде всего – вдова, – напомнил Дронго.

– Вы думаете, она может рассказать вам что-то новое?

– Во всяком случае, нельзя вести расследование, не побеседовав с женой покойного.

– С ней беседовали три раза. Три разных следователя. Вы думаете, она захочет разговаривать в четвертый раз?

– Не уверен. Именно поэтому мне нужна ваша помощь. Необходимо, чтобы она меня приняла и согласилась со мной побеседовать. Совсем не обязательно говорить ей о том, что я четвертый следователь. Или тем более частный эксперт, ведущий расследование. Достаточно, если меня представят как журналиста, собирающего материал про ее покойного мужа. Я еще раз повторяю, что мне важна не криминальная сторона произошедшего, которую уж трижды выжимали из жены убитого Миронова. Мне нужна психологическая канва событий, настроение ее мужа перед убийством. Мне нужны детали, способные восстановить картину его душевных переживаний. Следователей интересует, кто мог убить Миронова и кому он мог помешать. А мне важно, как он обедал в последние дни, как спал, как общался с женой и друзьями. Иногда это говорит гораздо больше о человеке и помогает расследованию гораздо лучше, чем десятки допрошенных свидетелей и очевидцев.

– У вас свои методы расследования, – согласилась женщина, – впрочем, вам действительно виднее. Я узнаю, как выйти на вдову покойного и представить вас журналистом, собирающим материал об Алексее Миронове. К сожалению, она не очень жалует журналистов, написавших о ней слишком много вздорных и неприятных статей.

– Вы неплохо подготовлены, – заметил Дронго. – Очевидно, вы уже достаточно давно занимаетесь делом Миронова.

– Да, – сказала она, – уже давно. Я понимала, что вы догадаетесь. Мы анализировали все материалы по Миронову, появившиеся в нашей прессе и на телевидении. Мы считали, что это может помочь в расследовании. Поэтому накопили некоторый материал.

– Ваша группа по-прежнему существует?

– Нет. Она была расформирована сразу после смерти генерала Меджидова.

– Кто еще знает о том, что вы работаете со мной? Кроме генерала Потапова?

– Мне не сообщают таких подробностей, – невозмутимо ответила Сулова.

– Тем не менее вы хотя бы приблизительно знаете или догадываетесь о точном числе людей, задействованных в нашем расследовании?

– Несколько человек, – сказала, чуть подумав, Сулова. – Два-три человека от силы.

– Теперь давайте обговорим, как мы будем с вами встречаться. Приходить каждый раз сюда не совсем правильно.

– У меня есть мобильный телефон. Вы всегда можете найти меня. Он постоянно включен. Она произнесла номер. Он кивнул.

– Я его уже запомнил. Но меня интересует нештатная ситуация, если вдруг мы лишимся этой связи. Что делать, если я вдруг не смогу вам позвонить или ваш телефон будет все-таки отключен? – спросил он.

– Приехать сюда. Здесь постоянно дежурит кто-то из наших сотрудников. Они будут предупреждены о вас, и если вы здесь появитесь, то сразу свяжутся со мной или с генералом Потаповым.

– Кажется, вы предусмотрели все возможности, – кивнул Дронго, – кроме одной.

– Какой? – она подняла очки. И тут же снова опустила их, несмотря на поздний вечер. Словно она боялась показывать свои глаза посторонним людям.

– Что будет в том случае, если вдруг пропадете не вы, а я?

Она спокойно произнесла:

– Постарайтесь не пропадать. Вас все равно найдут и в этом случае.

– Возможно. Но при одном условии, что я сам захочу исчезнуть. А если этого захочет кто-нибудь другой?

Темные очки снова смотрели на него, и он не видел ее глаз. Она покачала головой.

– И в этом случае тоже. До свидания, – первой поднялась Сулова, – деньги в коридоре, портфель находится рядом с дверью на столике около телефона. Там пятьдесят тысяч долларов.

– Спасибо. Я думаю, этого вполне хватит. Как насчет моей просьбы?

– Постараемся все устроить. Когда вы хотите увидеть вдову Миронова?

– Завтра.

– Мы можем не успеть. Но послезавтра вы ее увидите. До свидания, – еще раз сказала она, выходя из комнаты.

«Странно, – подумал он после ее ухода, – почему она все время носит темные очки? У нее довольно красивые глаза».

Выходя из квартиры, он забрал черный портфель, лежавший на столике. Охранник ничего не сказал, только молча кивнул в знак прощания. Уже на улице Дронго подумал, что она так и не спросила его настоящего имени. Или хотя бы имени, под которым он намерен был существовать ближайшие несколько недель. Его бывшая кличка, казалось, намертво прилипла к нему и теперь вполне заменяла его собственное имя.

На следующее утро она позвонила сама.

– Можете встретиться с нужной вам женщиной, – сухо сообщила она. – Завтра в одиннадцать у нее дома.

– Как мне представиться?

– Вы журналист Эдуард Кузнецов, работающий на итальянский журнал. Ровно в одиннадцать она будет вас ждать. – Сулова положила трубку так быстро, что он не успел ее поблагодарить. Теперь все зависело от первой встречи.

Глава 6

Осколки от разлетевшейся головы Хозяина брызнули в Капустина, и только тогда он сообразил, что снайпер попал не в живого хозяина офиса, а в его зеркальное отражение, разбив большое зеркало, висевшее как раз напротив открытого окна. Павел моментально принял решение. Сказалась все еще сохранившаяся неплохая реакция.

Он рванулся к Хозяину и, пока очумевшие охранники соображали, что именно происходит, сбил его на пол. Через долю секунды вторая пуля просвистела над ними. Снайпер, прятавшийся в соседнем здании, тоже сообразил, что попал в зеркало, и выстрелил второй раз. Ему было труднее осознать факт своего промаха. Чем большим профессионалом он был, тем труднее ему верилось в то, что человек, в которого он стрелял, все еще стоит на ногах, а его разлетевшаяся голова – всего лишь осколки зеркала.

– Закройте окно! – крикнул Капустин, когда третья пуля ударила совсем рядом.

Один из телохранителей рванулся к окну. Но следующая пуля попала ему прямо в живот и отбросила его к стене. Он упал на ковер, неловко согнувшись. В этот момент к окну бесстрашно шагнула молодая женщина, с которой Капустин поднимался в лифте. Она стояла чуть сбоку, и снайпер не мог ее видеть. Женщина резко и решительно, словно всегда этим занималась, захлопнула окно. В приемной наступила тишина.

– Стекла пуленепробиваемые, – почему-то громко сказал второй из телохранителей.

Капустин пошевелился, поднимаясь с пола и освобождая своего невольного пленника. Тот поднялся следом, криво улыбаясь и массируя руку.

– Найдите того, кто стрелял, – шепотом сказал он, – найдите.

Все очумело глядели на него, не двигаясь. Тогда он закричал:

– Быстрее! – И все сразу забегали.

Девушка-секретарь бросилась к телефону. Открывший окно охранник и второй, из сопровождавших Хозяина, бросились к дверям. Хозяин подошел к раненому телохранителю, около которого уже стояла женщина, встречавшая Павла внизу.

– Ему плохо, – негромко сказала она, – кажется, он умирает.

Несчастный хрипел, на его губах появились кровавые пузыри. Павел подошел ближе.

– Врача, скорее врача, – умоляла девушка-секретарь, чуть не плача.

В приемную ворвалось сразу несколько человек, один из которых – массивный мужчина лет шестидесяти – сразу бросился к Хозяину.

– Что здесь случилось?

– В меня стреляли, Константин Гаврилович, – все еще криво усмехаясь, сказал Хозяин, – вон из того здания. Снайпер стрелял в меня, а ваша сраная система безопасности меня не спасла.

Константин Гаврилович был, очевидно, начальником службы безопасности. Он подошел к стене, куда попала пуля, посмотрел на разбитое зеркало. И спросил то, что должен был спросить в первую очередь:

– А кто открыл окно?

Все посмотрели на секретаря. Она все еще держала в руках трубку телефонного аппарата. Заметив устремленные на нее взгляды и услышав вопрос, она затряслась всем телом.

– Кто открыл окно? – повторил Константин Гаврилович, и Хозяин, перепачканный кровью своего телохранителя, выпрямился, яростно глядя на нее. Девушка побледнела. Она пыталась что-то сказать, но не могла вымолвить ни слова.

– Ты? – прошипел Хозяин. – Ты открыла окно?

Капустин вдруг понял, что таким голосом приговаривают людей к смерти. Девушка, очевидно, это тоже поняла. Она открывала рот, пытаясь оправдаться, но ничего не могла сказать. Чем-то она была похожа на рыбу, выброшенную из воды, на красивую рыбу.

Все смотрели на нее. Павел уже хотел вмешаться, когда услышал за своей спиной голос.

– Это не она, – сказала молодая женщина, закрывая окно. – Окно открыл ваш Михаил.

– Михаил? – повернулся к ней начальник службы безопасности. – А где он сейчас? Почему его здесь нет?

– Он побежал ловить убийцу, – женщина взглянула в окно. – Они вдвоем выбежали сразу после выстрелов.

Начальник службы безопасности взглянул на Хозяина. Очевидно, в его глазах отразилось нечто, если тот снова затрясся.

– Найти его, найти! – закричал, теряя остатки разума и терпения, Хозяин.

Константин Гаврилович кивнул своим людям, трое выбежали из приемной, столкнувшись в дверях с врачами. Хозяин недовольно посмотрел на суету вокруг раненого и кивнул начальнику службы безопасности.

– Найдите Михаила, – приказал он еще раз.

– А вы кто такой? – вдруг спросил Константин Гаврилович у Капустина.

– Как раз тот, кто спас меня. Сделал то, что должны были сделать ваши люди, – презрительно заметил Хозяин и, кивнув Капустину, предложил: – Пойдем ко мне в кабинет.

Перед тем как войти в кабинет, он шагнул к молодой женщине и дотронулся до ее щеки.

– Спасибо, Женя, кажется, я тебе тоже обязан.

Она улыбнулась. Он убрал руку, и у нее на щеке осталась полоска крови. Это была кровь раненого телохранителя. Женщина не испугалась. Она просто вытерла кровь.

Павел вошел в большой кабинет следом за Хозяином. Он уже не поражался размерам кабинета и его внутреннему убранству. Хозяин, не останавливаясь, прошел метров сорок, пока не подошел к стенному шкафу на другом конце кабинета. В шкафу была скрыта дверь в его личные апартаменты. Он открыл ее.

– Заходи, – пригласил он журналиста.

Тот пошел по кабинету, утопая в тяжелых коврах. Хозяин, очевидно, любил восточную роскошь. Личные апартаменты представляли собой шикарную квартиру со спальней, столовой и кухней. Здесь могла бы жить небольшая семья. Они сели в удобные мягкие кресла, и Хозяин достал бутылку коньяку. Разлил янтарную жидкость по рюмкам. Рука его все еще немного дрожала, хотя он и пытался держать себя под контролем.

– Давай выпьем, Паша, – предложил он, – ты сегодня спас мне жизнь. Значит, я твой крестник.

Он залпом осушил свою рюмку. Павел, попробовав коньяк, смачно пощелкал языком. Коньяк был превосходный.

– В армии служил? – спросил Хозяин.

– Да, Александр Юрьевич, – ответил Капустин, впервые называя Хозяина по имени-отчеству.

– Для тебя просто Александр, – отмахнулся тот, – мы теперь как братья. А где служил?

– В Афганистане.

– «Афганец», значит?

– Вообще-то нет, – улыбнулся Капустин. – У нас считается, что всякий, кто побывал в Афганистане, настоящий Рембо, а это все выдумки. Я в тыловой части служил, сначала даже кашеваром был. Ничего героического не делал. Это потом журналисты про меня придумали, что я там героически сражался.

– Я про тебя читал, – вспомнил Александр, – ты что, действительно вообще не воевал?

– Несколько раз под обстрелом был, – признался Капустин, – но вообще я у десантников по кухне был большим специалистом, чем по дракам. А навыки укрываться от обстрелов еще с тех пор сохранились. В Чечне, где я оператором работал, было гораздо опаснее.

– Это понятно, – снова разлил коньяк Александр Юрьевич, – а ты знаешь, зачем я тебя позвал сегодня?

Увидев отрицательный жест собеседника, он усмехнулся.

– Вздрючить тебя хотел, трепку тебе устроить, чтобы ты не задевал солидных людей. У тебя ведь скоро передача идет про одного банкира-кавказца. И говорят, ты там такие паскудные вопросы задавал, что этому банкиру в пору из Москвы уезжать.

– Есть такое, – улыбнулся Капустин. Вторая рюмка была еще вкуснее первой.

– И действительно сильно его задел? – поинтересовался Александр.

– Сильно, – улыбнулся еще раз Капустин, – он там несколько раз подставился. Он ведь еще и с акцентом говорит, поэтому эффект будет сильный. Вы сами увидите, передача получится интересной.

– Значит, передачи не будет, – спокойно сообщил Александр. Он поднялся, подошел к телефону, поднял трубку: – Зина, скажи, чтобы мне привезли новый костюм. И рубашку, и галстук. Пошли мой автомобиль.

Он положил трубку и вернулся к молчаливо сидевшему Капустину, все еще переваривающему сказанное.

– Почему не будет? – все-таки рискнул спросить он.

– Не будет, и все, – криво улыбнулся Александр Юрьевич. Он все еще нервничал, понимая, чем мог закончиться для него сегодняшний день. Но теперь внешне это никак не проявлялось. – Просто я не хочу. Этого вполне достаточно, чтобы вашей передачи не было.

– Вы из-за этого меня вызывали? – нахмурился Капустин.

– Вообще-то да. Сколько ты получаешь за хорошую передачу? Пять тысяч? Десять? Я тебе хотел предложить сто. Тебе не помешают лишние сто тысяч долларов? Или помешают?

– Не помешают, – снова улыбнулся Капустин.

– На этом я собирался закончить с тобой нашу беседу. Но ты умудрился еще и вовремя меня толкнуть, чтобы этот сукин сын в меня не попал.

Капустина поражало спокойствие, с которым он говорил теперь о неудавшемся покушении. Очевидно, Александр держал себя чудовищным усилием воли. Он был сильным человеком и предпочитал выглядеть таким во всех обстоятельствах. И хотя руки его все еще немного дрожали, он был в состоянии вести разговор и даже анализировать случившееся.

– Поэтому, – продолжал Александр, – у меня к тебе есть деловое предложение. Ты мой канал на телевидении знаешь? Мы его сейчас расширяем, будем конкурировать с другими. Постараемся вырваться в лидеры, поэтому я твою передачу собираюсь купить.

– Как это купить? – не понял Капустин.

– Переманить к себе, – пояснил Хозяин, – чтобы ты работал на нашем канале. Со всеми своими ребятами. А заодно хочу, чтобы ты с этого момента был и нашим продюсером. Зарплата французского президента тебя устроит? Или ты хочешь зарплату американского президента?

– А сколько они получают? – деловито спросил Капустин.

– Молодец, – засмеялся Александр Юрьевич. – Французский – семь тысяч долларов в месяц, а американский в два раза больше.

– Мне больше нравится зарплата американских телеведущих, – сразу нашелся, что ответить, Капустин.

– Мы пока еще до этого не дошли, – заметил Александр Юрьевич, – но, дай срок, и до такой зарплаты дорастем. И еще будем к себе американцев переманивать. Не веришь?

– Верю, верю, – засмеялся Капустин.

В апартаменты вошел начальник службы безопасности. По его мрачному лицу было ясно, что открывшего окно телохранителя они не нашли.

– Прошляпили? – мрачно спросил Хозяин.

– Ушел, сукин сын, – выдохнул Константин Гаврилович. На его широком мясистом лице отразилась сложная гамма чувств. От ненависти до раздражения. – Убежал. Даже куртку свою оставил. Понял, что мы его искать будем.

– Домой к нему людей послали?

– И к его подружке тоже... – Константин Гаврилович покачал головой. – Узнать бы, кто заказал этому сукину сыну открыть окно.

– Я вспомнил, – вдруг сказал Павел, – как раз за минуту до вашего прихода кто-то позвонил по внутреннему телефону, и он, положив трубку, пошел открывать окно. Он знал, что вы поднимаетесь в этот момент к себе в кабинет.

Хозяин, сжав губы, посмотрел на начальника службы безопасности. Тот шумно задышал, хмуро взглянув на журналиста. Очевидно, его больше устроило бы, если бы Павел сообщил эту информацию ему наедине.

– Я же вам говорил, что у вас настоящий бардак! – гневно крикнул Александр. – Значит, кроме Михаила, у нас в здании еще кому-то заплатили. Я могу узнать, наконец, кто именно платит моим людям? И кто хотел сегодня убить меня?

– Мы все выясним, – сурово заверил его начальник службы безопасности. – Я подключу наших знакомых из ФСБ. И найду Михаила. Живого или мертвого.

– Лучше живого, – процедил Хозяин. – Живого, чтобы я его сам допросил. Мне он нужен живым.

Начальник службы безопасности, понимая, что в таком состоянии лучше не спорить, вышел. Александр Юрьевич проводил его долгим тяжелым взглядом, а потом с проклятием бросил дорогую хрустальную рюмку в дверь. Рюмка упала на ковер не разбившись, только расплескав остатки коньяка.

– В общем, согласен или нет? – нервно спросил Хозяин. – Будешь работать у меня?

Похоже, у него начали сдавать нервы. Реально существующий заговор против него, заговор, в котором принимали участие сотрудники его охраны, потряс Александра Юрьевича больше, чем пуля снайпера. На размышления у Павла не оставалось ни секунды. Впрочем, от подобного предложения отказываться не имело никакого смысла. Это был подарок судьбы.

– Я согласен, – быстро сказал Павел, понимая, что теперь его жизнь круто изменится.

– Ну вот и отлично, – кивнул Александр Юрьевич. – Детали обговоришь с Женей. Она у меня пресс-секретарь и помощник. И не вздумай к ней приставать. Я вообще не люблю, когда пристаю к моим сотрудницам.

– Понял.

Хозяин подошел к телефону, поднял трубку.

– Оформи приказом. С завтрашнего дня продюсером нашего канала назначается журналист Павел Капустин. Да, он. Оклад указывать не нужно. Он будет получать гонорары. Это уже мое дело. Позвоните в рекламный отдел. Пусть сообщат в наши газеты, чтобы они соответственно оформили эту новость. Все, как обычно. Перспективный молодой человек, бывший воин-интернационалист, известный журналист и так далее. Ты меня понял. Позвони редактору нашей газеты, пусть сделают с Капустиным большое интервью.

Он положил трубку, повернулся к Павлу.

– Теперь уходи. Сам видишь, сейчас не до тебя. Можешь уже завтра выходить к нам на работу. Подойди к Якову Абрамовичу. Он у нас ведает рекламой. Этот человек может все подать гениально. Уже через несколько дней о тебе будут писать все московские газеты, одобряя мой выбор.

Павел поднялся, поставил рюмку на столик. Такая оперативность просто поражала. Александр Юрьевич принадлежал к тому типу людей, которые не любят терять времени на лишние разговоры. Да и время подобных людей было слишком дорого. По самым скромным подсчетам, он обладал состоянием в несколько сот миллионов долларов. И это не считая целой информационной империи, которую он контролировал.

В тот момент, когда Капустин выходил из апартаментов, дверь открылась и в комнату еще раз вошел Константин Гаврилович.

– Приехали из прокуратуры и ФСБ, – мрачно сообщил он, – они хотят видеть вас.

– Откуда они узнали? – окончательно разозлился Александр Юрьевич.

– Врачи сообщили. Николай умер в машине, – пожал плечами Константин Гаврилович.

– Я должен был оказаться на его месте, – помрачнел Александр Юрьевич и, уже не задумываясь, приказал: – Позови Якова Абрамовича. Если о сегодняшнем покушении узнают журналисты, я лично удавлю того, кто выдаст эту информацию, – пообещал он.

Павел понял, что ему лучше уйти. Он снова пересек огромный кабинет, вышел в приемную, где уже было много людей. Увидев Женю, он кивнул ей.

– Кажется, мы будем работать вместе, – сообщил он молодой женщине.

Она равнодушно скользнула по нему взглядом и отвернулась. Похоже, эта новость ее совершенно не удивила. Она просто на нее не отреагировала.

Глава 7

Он подъехал к нужному ему дому ровно в десять часов утра. По натуре своей Дронго был ярко выраженной совой и любил поспать именно утром, ибо ложился очень поздно. Но сегодня необходимо было приехать сюда раньше, еще до встречи со вдовой убитого, для того, чтобы осмотреть место происшествия.

Ночью он заехал к Владимиру Владимировичу и снова просмотрел копии уголовного дела, особенно протоколы допросов вдовы покойного и его близких друзей. Обладая фотографической памятью и умением читать сверху вниз, он довольно быстро просмотрел все материалы, отобрав самое важное. Среди груды словесного мусора всегда попадались зерна истины, и он умел их замечать.

Дом, где раньше жил Алексей Миронов, находился в центре города на проспекте Мира. Он был огромным, со своей собственной историей, уже насчитывающей несколько десятилетий. Миронов переехал сюда за несколько месяцев до своей смерти и именно здесь, в подъезде этого дома, и был убит.

Вдова убитого срочно продала квартиру, чтобы никогда больше не видеть подъезда, в котором произошло это страшное для нее событие. И переехала на Трифоновскую улицу, в другой дом, чтобы не проходить каждый день через тот страшный подъезд, про который было уже столько написано и который иногда снился ей в кошмарных снах.

Кире Леонидовне шел тридцать шестой год. Она была довольно известным дизайнером и успела состояться к тому времени, когда вышла замуж за Алексея Миронова. У нее была семнадцатилетняя дочь от первого мужа.

Осмотрев дом на проспекте Мира и даже войдя в подъезд, где это случилось, Дронго довольно долго стоял на лестнице, словно надеясь увидеть то, что не увидели побывавшие здесь до него сотни журналистов и десятки сотрудников правоохранительных органов. Это был обычный подъезд с широкими лестницами, грязноватый, какими бывают старые московские подъезды, но не замусоренный благодаря кодированной системе на дверях. Раньше таких дверей здесь не было, это Дронго знал из материалов дела. Они появились только после смерти Алексея Миронова.

Он дождался, когда к дверям подойдет строгая мама с ребенком, и, стоя у другого подъезда, заметил, какие она нажимает цифры кода.

Откуда убийца знал точное время прибытия журналиста? У него ведь был наверняка ненормированный рабочий день. И, наконец, как долго убийца простоял в подъезде, ведь дом многоэтажный и здесь часто входили и выходили люди? Странно, что следователи не обратили внимание на такие вопросы. Или не хотели обращать? Он тоже пока не знал точного ответа на эти вопросы.

Еще раз осмотрев подъезд, он вышел из дома и, остановив такси, поехал на Трифоновскую улицу. Нужный ему дом он нашел сразу. В подъезде был установлен домофон, он вызвал хозяйку, и дверь щелкнула, открываясь. Дверь самой квартиры ему открыла милостивая девушка лет двадцати пяти, очевидно, помогавшая хозяйке.

В просторной, чуть вычурной гостиной играла приглушенная музыка, по стене скользили блики от вертящегося разноцветного шара, заменявшего люстру. В двух больших аквариумах, светящихся изнутри, мелькали маленькие золотистые рыбки. У хозяйки дома были свои причуды и свои пристрастия. Она появилась из другой комнаты в белом широком платье. Волосы собраны в тугий узел, на лице ни следа косметики. Она села на диван, поджав под себя ноги. И лишь затем, показав на стоявшее рядом кресло, сказала:

– Садитесь. – Это были первые слова, которые она произнесла.

Он сел в кресло, глядя на женщину. Внешне она была спокойна, если не считать лихорадочного блеска темных глаз.

– Что вам нужно? – Она даже не спросила, откуда он пришел.

– Я работаю на итальянский журнал, – сказал Дронго, – вас должны были предупредить. Моя фамилия Кузнецов. Мне хотелось бы поговорить с вами об Алексее Мионове.

Нечто похожее на интерес мелькнуло в ее глазах, или ему показалось? Она спросила:

– Что именно вы хотите узнать?

– Мне хотелось бы написать очерк о вашем погибшем муже. Коллеги считают, что он был лучшим телевизионным журналистом. Простите, что я говорю в прошедшем времени.

– Ничего, я уже привыкла, – махнула она ладонью. Именно ладонью, а не рукой.

Вошедшая девушка поставила на столик рядом с ним чашечку кофе, изящную сахарницу с красиво упакованными кусочками сахара и фарфоровую тарелочку с печеньем. Даже не спрашивая ни о чем гостя, она просто расставила все это на столике и молча исчезла.

– Мне хочется узнать о нем побольше. Его пристрастия, его привычки, его любимые газеты и журналы, – продолжал Дронго, – мне хочется, чтобы вы просто рассказали о нем. Ничего конкретного, просто общий рассказ.

– И ваш журнал удовлетворит такой рассказ? – с чуть заметной иронией спросила она.

– Это уже зависит от моего профессионализма, – улыбнулся он в ответ, – но в любом случае я покажу сначала статью вам, чтобы вы могли высказать свое мнение.

– Спасибо. Так что именно вас интересует? Вы хотите, чтобы я начала свой рассказ со дня его рождения?

– Нет, вполне достаточно, если вы расскажете мне о нескольких последних днях его жизни. О его привычках и его настроении в последние дни, о его увлечениях и планах.

Она молчала, словно вспоминая все, что не успела рассказать следователям или дотошным журналистам. Потом негромко сказала:

– В последние перед смертью дни он много работал, словно предчувствовал, что все так закончится. У него были огромные планы, разве сейчас можно все вспомнить. Он любил жизнь. Ему казалось, что он будет жить вечно.

– У него было много друзей?

– Да, конечно. Очень много. И после его смерти они все время приходили к нам домой, еще туда, в старую квартиру, на проспект Мира. А теперь ходят сюда...

– Я знаю, что его коллег допрашивали следователи. Но мне интересны не те, кто непосредственно с ним работал и мог оказаться полезным для расследования. Мне интересен круг его друзей, круг интеллектуального общения, вы меня понимаете?

– Конечно. Следователи таскали тогда в прокуратуру и в ФСБ всех его знакомых и незнакомых людей. Но такой круг у него был. Туда входили немногие избранные. Иногда он и меня допускал в этот круг.

– Я могу узнать, кто именно входил в его «интеллектуальный круг»?

Она чуть усмехнулась. Или ему показалось? Нечто неуловимое мелькало в их разговоре, какой-то третий смысл, постичь который ему так и не удавалось. Все казалось зыбким, неустойчивым, словно дизайн этой комнаты был продуман с таким расчетом, чтобы сбить с толку любого гостя, не давая ему твердой опоры.

– У нас часто бывали его друзья, – сказала она, чуть помедлив.

– Это я понимаю. Меня интересует, кто именно был его самым близким другом. Кто мог рассказать о нем гораздо больше, чем сухие протоколы допросов, свидетельства знакомых или романтические пассажи в духе сентиментальных воспоминаний. Простите меня, но мне говорили, что он был сильным мужчиной, лидером, настоящим вожаком. Мне нужно показать как раз эти качества его натуры.

Он понимал, что именно его нервировало. Ее глаза. Они были чуть насмешливые, внимательно следившие за ним и за его словами, словно она заранее знала, что он будет выпытывать подробности о ее погибшем муже, задавать вопросы, на которые она наверняка не ответит со всей правдой. Или она так относилась ко всем журналистам, назойливо вторгающимся в ее частную жизнь?

Дронго и сам не знал, откуда появлялось у него это ощущение проникновения в психологию своего собеседника, словно он обладал некой особой чувствительностью, позволяющей ему тоньше и глубже понимать людей, чем это дано обычному человеку. Может быть, это и было то самое шестое чувство, не раз выручавшее его в трудные моменты жизни и позволявшее так безошибочно разрешать самые сложные проблемы.

– Вас интересуют его друзья или его качества лидера? – уточнила она.

Он вдруг понял, что обязан сломать навязанную ею игру, перевернуть этот зыбкий мир и разрушить ее спокойствие неожиданным, шокирующим вопросом:

– Меня больше интересуете вы.

– В каком смысле? – удивленно подняла она на него свои большие глаза.

– Вы его не любили? – Это был полувопрос, но и полуутверждение. Она почувствовала это и вспыхнула от неожиданности. Сильно покраснела.

– Вам не кажется, что после подобных вопросов мы должны с вами расстаться? – гневно спросила женщина.

– Не кажется. Это моя профессия – задавать неприятные вопросы. Как и профессия вашего бывшего мужа. Я просто задал вопрос, на который вы мне пока не ответили.

– Уходите, – шевельнулась она, – я больше не буду с вами разговаривать.

Он продолжал сидеть в кресле, глядя ей в глаза. Предсказуемость реакции всегда поражает. Это означает, что тебе удалось понять собеседника еще до того, как он понял тебя. Но предсказуемость ее реакции его поражала. Получалось, что он на верном пути.

– Я не журналист, – вдруг сказал Дронго, увидев, как она вздрогнула, – вернее, я не совсем журналист. Я веду самостоятельное расследование причин смерти вашего мужа. И мне кажется, что я смогу выявить истинных виновников трагедии. Если вы мне поможете.

– Кто вы? – спросила она, глядя ему в глаза.

– Проводящий частное расследование независимый эксперт. – Он тоже смотрел ей в глаза, ожидая реакции.

– И вы надеетесь, что вам удастся добиться большего, чем правоохранительным органам? – Теперь она смотрела на него с любопытством. Но гнева уже не было.

– Во всяком случае, мне легче это сделать. Я не связан никакими сроками и никакими официальными лицами. На меня никто не давит.

– Вы хотите сказать, что на прежних следователей «давили»?

– Я хочу сказать, что им могли не разрешать активно проводить различные мероприятия по выявлению действительно виновных лиц.

Она задумалась. Потом медленно спросила:

– Что вам нужно?

– Чтобы вы рассказали о его последнем дне. Он был расстроен?

– Нет, скорее весел. Но я видела его только утром. А домой он вернулся поздно вечером. Я услышала крики и выглянула за дверь. На лестничной клетке толпился народ, и я долго не могла поверить в то, что случилось. Извините меня. – Она взяла со столика пачку сигарет. Достала сигарету, щелкнула зажигалкой.

– Вы не замечали ничего необычного?

– Меня об этом спрашивали тысячу раз. Конечно, ничего не замечала. Да он бы ничего и не сказал. Это сейчас я понимаю, что он был достаточно скрытным человеком. По прошествии времени все кажется несколько другим.

– Вы были женаты несколько лет. Вы ведь были его второй женой?

– Это тоже имеет отношение к вашему расследованию? – Она потушила сигарету в пепельнице, качнувшись в сторону столика, стоявшего рядом с диваном. И снова обрела прежнее равновесие, застыв в позе Будды.

– Наверно, нет. Но чисто по-человечески мне интересно, когда вы поняли, что он был достаточно скрытным. Через месяц? Через год? Только сейчас?

Она снова замолчала, метнув в него испытывающий взгляд. Потом очень тихо произнесла:

– Вы опасный человек, Кузнецов. У вас очень скользкие и опасные вопросы. Вы все время балансируете на грани хамства и недозволенного любопытства. Но я отвечу и на этот вопрос. Так мне стало казаться только недавно, спустя почти два года после смерти Алексея. У вас есть еще вопросы?

Теперь она действительно переживала. Но он обязан был довести этот разговор до логического конца, выяснить те моменты, которые его волновали. Поэтому он задал следующий вопрос:

– Кто входил в его «ближний круг»? По самым скромным подсчетам, у него было несколько тысяч знакомых, товарищей, приятелей и так далее.

– Мы пытались как-то оградить наших друзей, – заметила женщина, – но всех, кто был близок с Алексеем, вызывали к следователям. Всех без исключения. Я не могу вспомнить человека, до которого бы не добрались сотрудники прокуратуры или ФСБ.

– И тем не менее у него наверняка были среди этих друзей такие, с которыми он был особенно близок, – настаивал Дронго.

– Вам действительно это интересно? – спросила она.

– Иначе я не стал бы вас беспокоить.

– Из самых близких друзей я могу назвать Сережу Монастырева и Аркадия Глинштейна. Но он обычно фигурирует под другой фамилией. Я ее точно не помню. Он пишет свои репортажи под разными фамилиями. Они не очень часто приходили к нам, но я знала, что эти двое были его самыми близкими друзьями. Однако они не имеют никакого отношения к убийству. У обоих абсолютное алиби. И оба слишком сильно переживали, чтобы вы могли их подозревать.

– Вы меня не поняли, – возразил Дронго, – я хочу познакомиться с его друзьями, узнать о нем немного больше, чем обычно пишут в газетах. Я совсем не подозреваю его друзей. Преступление было слишком грязным и слишком громким, чтобы его мог совершить кто-то из обычных журналистов или критиков, составлявших «ближний круг» Алексея.

– Я не понимаю, почему я все еще беседую с вами и не выгоняю вас, – вдруг сказала она, – по-моему, вы перешли все допустимые границы. Сначала меня обманули, сказав, что вы журналист. Потом выяснилось, что вы проводите какое-то частное расследование. И, наконец, во все время нашего разговора вы позволяли себе довольно наглые вопросы. Вам не кажется, что этого вполне достаточно, чтобы мы наконец прекратили нашу затянувшуюся беседу?

– Кажется, – кивнул он, глядя ей в глаза, – только ответьте на мой последний вопрос.

Она молчала, словно ожидая, что именно он скажет.

– Кто, по-вашему, мог быть заказчиком этого убийства? Вы лично никого не подозреваете?

Она не шевельнулась. Просто подняла голову и спокойно сказала:

– Уходите.

Он понял, что больше ничего не стоит спрашивать. Эта была та черта, переступить которую он уже не имел права. Он просто кивнул женщине на прощание и поднялся, направляясь к выходу. Уже у двери он обернулся и сказал:

– Извините меня. Я не хотел вас обидеть, Кира Леонидовна.

Она не прореагировала и на эти слова. Женщина еще минут двадцать сидела на диване в привычной для себя позе, глядя перед собой. Затем она встала, босиком прошла по ковру, подошла к телефону, взяла трубку и медленно набрала номер. Едва закончив набор, она дала отбой. Затем, немного подумав, снова набрала номер и на этот раз подождала, пока на другом конце поднимут трубку. И сказала всего два слова:

– Он приходил.

Глава 8

Скрыть покушение на Александра Юрьевича не удалось. Он был слишком известным человеком, и выстрелы снайпера прогремели на всю Москву. Несмотря на все усилия трех центральных газет, которые контролировал Александр Юрьевич, не раздуть особенно эту историю, о покушении написали буквально все газеты и сообщили все телеканалы.

Оживленные комментарии сводились к тому, что в Москве началась настоящая война за информационное пространство, еще не закончившаяся переделом собственности. Каждый из трех центральных каналов, ОРТ, РТВ и НТВ, контролировался мощной финансовой группой. Еще два канала пытались приблизиться к ним по своему значению. Это были каналы ТВ-6 и СТВ, которые мощно теснили конкурентов. Особенно СТВ, контролируемый Александром Юрьевичем и проводивший агрессивную кампанию по вытеснению конкурентов и переманиванию лучших программ других каналов.

В штабе Хозяина работали неплохие специалисты по «раскручиванию». Уже на следующий день все газеты дружно обсуждали переход Павла Капустина с первого канала на канал СТВ и его назначение продюсером этого канала. Александр Юрьевич переманил к себе одного из лучших телеведущих конкурирующего канала, объявив этим настоящую войну другим каналам. После шока, вызванного покушением на столь известного человека, каким был Александр Юрьевич, новость о назначении Капустина быстро стала главной сенсацией недели, вытесняя неудачное покушение на Хозяина акционерной компании «Квант», которая была основой богатства Александра Юрьевича.

На следующее утро Павел приехал в уже знакомый офис. На этот раз охранники пропустили его гораздо быстрее, очевидно, уже зная о его вчерашнем подвиге. У лифта его ждала Женя. Они поднялись на этот раз на второй этаж, и она отвела его в конец коридора.

– Кроме кабинета на студии, у вас будет свой кабинет здесь, в офисе, – деловито сообщила она, открывая дверь.

Павел вошел следом за ней. Девушка-секретарь, сидевшая за столом, испуганно вскопчила. Ей было лет двадцать, не больше. Она была совсем девочкой, длинноногой и симпатичной. Павел подумал, что в будущем можно будет «потренировать» девочку. Женя прошла дальше, открывая следующую дверь. Это, собственно, и был кабинет Капустина. Солидно и уютно. Строгие стулья, матовая поверхность больших роскошных столов, стеллажи, все было на месте. Женя показала на кресло.

– Теперь это ваше место. Потом ваш секретарь объяснит вам систему связи. Вот тот телефон – прямой, соединяющий вас с Александром Юрьевичем. А теперь поедем на нашу студию. – Она подошла к микрофону и, нажав кнопку селектора, громко сказала: – Ира, вызови нам, пожалуйста, автомобиль Павла Николаевича.

Потом обернулась и сухо сообщила:

– У вас будет персональный автомобиль с водителем. Машину и водителя оплачивает компания «Квант», в штате которой вы будете числиться советником.

Он понимающе кивнул. Она вышла из кабинета, не сказав больше ни слова. Он тоже молча последовал за ней, на прощание подмигнув своему секретарю. Девушка улыбнулась, и он почувствовал себя гораздо лучше. Женя вызывала у него острые приступы комплекса неполноценности. Они пошли по коридору, возвращаясь к лифтам, навстречу им попался Константин Гаврилович. Очевидно, его кабинет тоже был на этом этаже.

– Привет спасителю, – шутливо сказал он, – осваиваешься? Ну и правильно делаешь. Ты, оказывается, у нас ветеран войны, Афганистан прошел. Может, плюнешь на это телевидение и пойдешь ко мне заместителем? Ну, шучу, шучу.

Капустин сухо кивнул начальнику службы безопасности. Ему с самого начала не понравился тон Константина Гавриловича, словно приветствующего главного шута при дворе короля. Входя с Женей в лифт, он подумал, что еще успеет поругаться с начальником службы безопасности.

– Мы могли бы спуститься пешком, – сказал он.

Она даже не ответила на его предложение. И первой вышла из лифта, когда тот опустился не на первый этаж, как думал Капустин, а сразу на уровень гаража, где находилась служебная машина нового руководителя канала СТВ. Женя села в машину на заднее сиденье, а Капустин, уже решивший было сесть рядом с ней, вдруг изменил свое решение и, обойдя автомобиль, сел на переднее сиденье «Пежо» рядом с водителем. Тот удивленно оглянулся на своего нового хозяина, но ничего не сказал. Сидевшая позади Капустина пресс-секретарь неслышно усмехнулась, но тоже обошлась без комментариев.

В студии канала СТВ царила обычная сутолока и беспорядок, характерные для любой телекомпании в любой точке земного шара. Компания была небольшая, но мобильная и уже имевшая несколько своих студий. Женя провела Капустина в большой кабинет бывшего директора СТВ – Косенко Максима Сергеевича. Он встретил их на пороге. Это был пожилой человек лет пятидесяти пяти, очень известный журналист, работавший раньше на том самом канале, где и Капустин. Он был среднего роста, с заметным выпирающим брюшком. Седые волосы были всегда взлохмачены, а все его костюмы обладали удивительным свойством казаться мятыми и старыми, даже если он надевал их первый раз в жизни. Увидев Павла, он печально улыбнулся.

– Здравствуй, Павел, я всегда верил в твое будущее.

– Добрый день, Максим Сергеевич, – вежливо поздоровался Капустин, первым протягивая руку. Бывший директор крепко пожал ее, украдкой взглянув на Женю.

– Все-таки пришла по мою душу, – сказал он молодой женщине. Та ничего не сказала, усаживаясь за стол. В приемной у Максима Сергеевича сидела пожилая женщина, которая казалась таким же реликтом, как и он сам. Павел подумал, что и сюда нужно взять молодую девочку, чтобы она успевала выполнять все его поручения. Павел не стал садиться за стол директора, а устроился рядом с Женей.

– Сдадите все дела Павлу Николаевичу, – бесцветным голосом сказала Женя.

Она была одета в темно-серый костюм, и ее очень короткая юбка позволяла видеть немного полноватые, но стройные ноги. Павел подумал, что напрасно Александр Юрьевич запрещает ухаживать за своим пресс-секретарем. Ему, провинциалу, всегда нравились именно такие женщины – сильные и уверенные в себе, с подтянутыми фигурами и умными лицами. От девочек-провинциалок он ничего не получал, да и ничего не хотел, быстро пресытившись легкими победами над провинциальными студентками, влюбленными в известного телеведущего. А вот такие женщины попадались редко. И он уже научился ценить и понимать девиз французов, утверждавших, что женщина похожа на вино, чем старше, тем лучше. Теперь ему уже не нравились зеленые девочки, теперь он старался покорять сердца вот таких, какой была Женя. Но это не очень-то удавалось.

– Все-таки добилась своего, – беззлобно сказал Максим Сергеевич. – А меня куда отправляете?

– Вы же знаете, что Александр Юрьевич предложит вам должность заместителя главного редактора в нашей газете «Двадцать первый век», – сказала Женя, – по-моему, вы все уже обговаривали.

– Только без тебя, – кивнул Косенко, – а у нас ведь ты все решаешь. Кого и куда поставить.

– Сколько времени вам нужно, чтобы сдать свои дела Капустину? – спросила Женя, проигнорировав выпад Косенко.

Капустин, сидевший рядом с ней, невольно еще раз посмотрел на ее ноги. Как странно, что у такой умной женщины такие красивые ноги. Обычно подобные сочетания почти не встречаются, подумал он.

– Один день, – мрачно ответил Максим Сергеевич. – Павел профессиональный журналист, оператором работал, на телевидении уже не первый год. Как-нибудь справится.

– Значит, договорились, – она поднялась со стула, – сдадите дела и приедете к нам в офис. Мы будем вас ждать.

– Зайти прямо к тебе или сначала к Якову Абрамовичу? – спросил Косенко.

– Как вам угодно. А вы, Павел Николаевич, – посмотрела наконец она на Капустина, – когда закончите все свои дела, позвоните Якову Абрамовичу. Он должен сюда приехать и поговорить с вами.

– Будет давать указания, – хмыкнул Косенко.

– Он объяснит вам политику нашего канала, – спокойно заметила Женя. – До свидания.

Она вышла, даже не взглянув на Косенко. Очевидно, его грубости ее не трогали. Когда дверь за ней закрылась, Косенко покачал головой.

– Вот стерва... Ты ее опасайся. Она у нас главный «шептун». Знаешь, что это такое?

– Нет, – улыбнулся Капустин.

– Еще узнаешь. Здесь везде свои «шептуны». Хозяин хочет знать все и обо всех. В общем, пойдем со мной, я тебе все покажу. А эту дамочку лучше не раздражай. Я несколько раз с ней крупно поспорил, и теперь ты у меня принимаешь дела, а не я у тебя. Это правда, что ты спас Александра Юрьевича от убийцы?

– Неправда, – отрезал Капустин. Он почувствовал, что Хозяину не понравится, если он будет болтать об этом на каждом углу.

– Ну-ну, – кивнул Косенко, – как знаешь. Значит, не ты его спасал?

Он встал и пошел к дверям, уже не оборачиваясь и не ожидая Капустина. На осмотр всего комплекса и объяснения Косенко ушло около двух часов. Затем они снова вернулись в кабинет, где пожилая женщина-секретарь уже приготовила для них крепкий кофе.

– В общем, не маленький и во всем сам разберешься, – сказал Косенко, – а на прощание я тебе дам три совета. Хочешь, прими их, а не хочешь, не принимай. Совет первый – не высывайся. Ты теперь продюсер канала, его директор. Не обязательно тебе мелькать каждый раз на телеэкране. Ты уж лучше сразу выбери, что тебе больше нравится. Твои выступления или твоя работа. У нас ведь не любят очень популярных. Совет второй – определи, что для тебя главное. Если совесть, то поступай всегда по совести. Если деньги, то по ситуации, чтобы всегда быть в прибыли. Если что-то другое, то по обстоятельствам. В общем, определи приоритеты и не меняй их в ходе игры. Иначе не сможешь продержаться, сразу вылетишь отсюда.

Он замолчал. Потом, отпив кофе, негромко сказал:

– И, наконец, совет третий. Ты теперь не просто Павел Капустин. И не просто популярный ведущий или продюсер канала СТВ. Ты теперь человек команды Александра Юрьевича. Значит, должен играть в команде. Нельзя во время игры симулировать рвение, а самому помогать другой команде забивать гол в собственные ворота. Так не бывает. Симулянта быстро вычислят. Раз вышел на поле в составе команды, должен играть изо всех сил. И только за свою команду. Ты меня понял?

– Кажется, да. Но я и собираюсь играть за команду Александра Юрьевича.

– Ничего ты не понял, – махнул рукой Косенко, – но советы мои все равно запомни. И не спорь с этой Женей. Она у нас главный кадровик. Яков Абрамович только озвучивает ее мысли. Они начинали с Хозяином еще тогда, когда ничего не было. Ни «Кванта», ни СТВ, ни газет и журналов, ничего. Поэтому он ей верит больше всех. Будь с ней очень осторожен. Она все замечает и ничего не забывает.

– Хорошо, – улыбнулся Павел, – вчера я попытался к ней приставать. Надеюсь, это она тоже запомнит.

– У вас в голове только бабы, – улыбнулся Максим Сергеевич. – Впрочем, молодость – это прекрасно. Я сам иногда жалею, что нынешнее время пришлось на мою старость. Если бы я был молодым, какие дикие проекты я мог бы еще осуществить. Но, видно, уж не судьба.

Он тяжело поднялся, пошел к сейфу, открыл ключом железную дверцу, достал несколько документов, рассовал их по карманам. Потом позвал к себе Капустина. Показал на несколько пачек долларов, лежавших в сейфе:

– Здесь сорок тысяч долларов. Так сказать, НЗ. На всякий случай. Пиши расписку, что ты их у меня принял.

– Какие сорок тысяч? Откуда? Для чего?

– Пиши расписку, – повторил Косенко, – потом тебе расскажут, для чего они нужны. Здесь многие вещи проходят за наличный расчет, минуя кассу и бухгалтеров. Теперь ты сам будешь и кассиром, и бухгалтером.

– Откуда эти деньги? – нахмурился Капустин.

– Не будь дурачком, Павел. Ты ведь давно на телевидении. Или ты думаешь, что за рекламу платят только на счет компании. А кто будет платить тогда налоги? И какие налоги в таком случае нужно платить? Считай деньги и пиши расписку. Теперь ты у нас будешь отвечать за все.

– Я не знаю, откуда эти деньги, и ничего писать не буду, – твердо сказал Капустин.

– Не хочешь и не надо, – вдруг неожиданно легко согласился Максим Сергеевич, – ты только их пересчитай, и все. А я поеду и расскажу, что передал деньги тебе.

– Кому расскажешь?

– Кому надо, тому и расскажу. Теперь у тебя будет двойная бухгалтерия. Одна по документам, другая по твоему сейфу. И совмещать их нельзя ни в коем случае. Это разные статьи дохода. И не смотри на меня такими большими глазами. Ты ведь все прекрасно понимаешь. У нас на первом канале тоже все берут деньги за любую передачу. Иначе не получается.

Павел вздохнул. Он теперь понял наконец, что именно это за деньги. И, не прикасаясь к ним, повернулся к Косенко:

– Какую расписку вам дать?

Когда расписка была написана и он отдал ее Косенко, тот, сунув в карман бумажку, с удовлетворением сказал:

– Я думал, ты не захочешь писать. Ну ничего, все равно расписка не попадет в чужие руки. Спасибо тебе, Павел, и до свидания.

Он крепко пожал руку своему преемнику и, уже выходя из комнаты, добавил, чуть улыбаясь:

– А насчет спасения я ведь все знаю. Там моя племянница работает у Александра Юрьевича. Зиной зовут. Она мне все и рассказала. Ну, будь здоров.

Он вышел из комнаты, оставив Павла наедине с открытой дверцей сейфа, где виднелись тугие пачки долларов.

Глава 9

Вечером Дронго подъехал к дому, где жил Сергей Монастырев. Дом стоял на Татарской улице. Это был старый московский дом, построенный еще до бума пятидесятых годов. Первое, что бросалось в глаза на улице, так это объявление, протянувшееся через всю улицу, сообщающее о продаже невероятного пентхауса в два этажа. Дронго представил, как должна была раздражать подобная реклама пенсионеров, не получавших месяцами пенсии.

Он вошел в дом и, верный своей привычке, поднялся на восьмой этаж, не вызывая лифта. На нужном ему этаже на дверях не было табличек с номерами квартир, и поэтому он позвонил в находившуюся слева от лестницы дверь. Через минуту там послышался испуганный старческий голос:

– Что вам нужно?

– Я ищу квартиру Монастырева, – громко сказал Дронго, – вы не знаете, где он живет?

– Ничего не знаю и вам дверь не открою, – сказала глуховатая старушка, отходя от двери.

Он понял, что звонить еще раз бесполезно, и позвонил во вторую квартиру. Здесь никто не ответил. Он позвонил еще раз, но за дверью по-прежнему царил тишина. Чувствуя, что его визит срывается, он с досады позвонил в третью квартиру. За дверью послышались шаги, и на пороге возник длинный, словно кривая оглобля, чуть сутулый, с маленьким, абсолютно гладким черепом человек. Он был в красной рубашке и в джинсах. Открыв дверь, он удивленно смотрел на Дронго. У его ног застыла кошка.

– Кто вам нужен? – спросил хозяин квартиры.

– Я ищу квартиру Монастыревых, – объяснил Дронго.

– А почему вы говорите обо мне во множественном числе? – поинтересовался Монастырев. – Я еще не женат. И в квартире живу один, если не считать Мурки.

– Извините, я вас не узнал. Вы Сергей Монастырев?

– Кажется, да. А кто вы такой, позвольте узнать?

– Я приехал от Киры Леонидовны.

– От Кирочки, – встрепенулся Монастырев, ногой отодвигая кошку, – заходите, пожалуйста.

Дронго зашел в квартиру. В нос ударил довольно сильный и неприятный запах. Монастырев извиняясь пробормотал:

– Я пытаюсь что-то приготовить. Вы не пробовали мясо по-бургундски?

– Кажется, вы жарите голландский сыр, – засмеялся Дронго. – Я очень люблю мясо по-бургундски, но, по-моему, вы его готовите не совсем правильно. Или продукты не совсем свежие.

– Скорее второе, – смутился Монастырев, – сыр был старый и засохший, а мясо, по-моему, пыталась стащить Мурка. У меня не работает холодильник, и мясо лежало на балконе. Вы думаете, оно испортилось? Вообще-то сейчас довольно теплая погода. Вы проходите в комнату, а я сейчас выключу газ, чтобы мясо не подгорело.

Дронго прошел в комнату. Квартира Монастырева состояла из двух комнат и длинного коридора с небольшой кухней и совмещенным санузлом. Одного взгляда на кавардак, творившийся в квартире Монастырева, хватало, чтобы понять: здесь живет убежденный холостяк, не обремененный присутствием женщин. На полу стояли картины, подаренные художниками, среди которых встречались достаточно известные имена. Неплохая мебель, купленная, очевидно, несколько лет назад, была покрыта пылью, а журнальный столик поцарапан и прожжен сразу в нескольких местах.

Монастырев появился в комнате вместе с кошкой, которая по-прежнему вертелась у его ног. Он довольно бесцеремонно оттолкнул ее и сел в кресло, приглашая в другое своего гостя.

– У меня нет ничего выпить, – развел руками Монастырев, – хотя нет, осталось пиво. Вы хотите пива? Я держу его в ванной, чтобы оно немного остудилось.

– Нет, спасибо, не хочу.

– Так зачем вас прислала Кирочка? Наверно, из-за картины Гладилина? Ну я же обещал ей, что продам эту картину, пусть она не беспокоится.

– Нет, нет, совсем не из-за картины. Она просто представила вас как одного из самых близких друзей покойного Алексея Миронова.

– Лешки... Конечно, он был моим другом, – кивнул Монастырев, поправляя очки. Потом вдруг испытующе посмотрел на грузную фигуру Дронго, на его широкие плечи, развитый торс и уточнил: – Вы, очевидно, из милиции?

– Почему – очевидно?

– Бедным Лешкой интересуются только представители нашей доблестной милиции и журналисты. Но для вторых он уже не интересен. Прошло два года после его смерти, и они забыли о нем, как это бывает обычно. А вот милиция и прокуратура не забывают. Иногда даже делают вид, что все еще ищут убийц Алексея.

– Вы не очень любите милицию, – усмехнулся Дронго.

– А за что вас любить? У моей соседки и ее мужа был старенький «жигуль» пятой модели. Он такой старый, что на него даже мухи садиться не решаются, боятся, что он развалится под ними. Несколько дней назад они поехали в аэропорт «Шереметьево», провожали сына. И что вы думаете? Когда вернулись на стоянку, то увидели, что кто-то успел похозяйничать в машине, украв единственную ценность – магнитофон с вложенной в него кассетой. Вырвали с корнем. Им не магнитофона было жалко, а кассеты. Там были записаны голоса их внуков, которые теперь вместе с сыном живут в другом государстве, в Средней Азии. А они остались здесь. И сын со своей семьей не может к ним приехать погостить. Он и на эту поездку собирал деньги три года. И подарил родителям на память кассету с записью голосов их внуков. Вор, конечно, кассету выбросит, зачем она ему. А милиция нахально заявила, что найти воров в Москве сейчас невозможно. Еще сказали, чтобы мои соседи радовались тому, что у них такая старая машина. Говорят, в Москве сейчас нельзя ездить на новом автомобиле. Воруют в первую же ночь покупки. Уводят даже с охраняемых стоянок и из гаражей. А вы хотите, чтобы вас еще любили?

– Я не из милиции, – улыбнулся Дронго.

– Пардон. Все сказанное относится и к прокуратуре. Чиновников я не люблю еще больше. С милиции взять нечего. Там все дуболомы, а у вас в прокуратуре хотя бы университеты и институты кончают. И для чего? Чтобы потом людей мучить.

– Это ко мне тоже не относится. Я не из прокуратуры.

– Неужели вы из ФСБ?

– Нет, я просто частный эксперт, который собирает некоторые материалы о покойном Алексее Миронове, вашем друге.

– И Кира дала вам мой адрес? – с удивлением спросил Монастырев.

– Она сказала, что вы и Аркадий были самыми близкими друзьями покойного. А адрес я нашел сам.

– Вообще-то правильно. Мы очень дружили. Странно, что она так сказала.

– Почему странно?

– Посмотрите вокруг, – засмеялся Монастырев, обводя рукой окружающее пространство и царивший в нем хаос, – как вы считаете – может приличная женщина пустить обладателя такой квартиры к себе в дом? Мы редко ходили к Миронову. Кирочка изумительная женщина, но она слишком хорошая хозяйка и достаточно известный дизайнер, чтобы долго терпеть в своей квартире такие грязные пятна, как мы с Аркадием.

– Она вас не любила?

– Упаси Господь, просто она считала, что мы не совсем соответствуем тому имиджу, который она пыталась «напялить» на Алексея. Он ведь был очень хорошим журналистом, настоящим мастером своего дела. Мы вместе начинали несколько лет назад. Но ей всегда казалось, что наша дружба – это нечто неосязаемое. Мы не были ни дипломатами, ни министрами, ни советниками, ни даже миллионерами. Нас нельзя было пригласить на великосветский коктейль или в какое-нибудь иностранное посольство на прием. Мы были людьми без определенных занятий. Поэтому она не очень нас жаловала, но, как умный человек, понимала, что Алексею нужно иногда пообщаться с нами для души, а не для показухи. Вы не обращали внимания, что очень часто друзей выбирают для показухи? И чем выше человек, тем выше у него должны быть друзья. Хотя на самом деле это такая глупость. Если ты президент, то у тебя должен быть друг не король соседней страны или премьер другого государства, а слесарь с соседней улицы, с которым ты вместе учился в школе. Вот тогда ты действительно Человек, независимый человек. Но президенты предпочитают королей, премьеры любят канцлеров, министры – послов, а журналисты – всю эту великосветскую свору, без которой они уже не могут. Но Алексей был не такой. Он мог надеть смокинг и поехать к послу на прием. А мог напялить куртку и отправиться с нами на пикник, чтобы нализаться до такой степени, когда мы уже не знали, куда делись его куртка или мои очки.

– Вы были близкими друзьями?

– В этом смысле да. Мы были его настоящими друзьями. Знаете, ведь Аркаша так плакал на его похоронах, как будто потерял брата. Да и я тоже всплакнул. Все-таки Леша был потрясающим человеком. А зачем вам все это нужно? Хотите выпустить книгу с громким названием «Кто убил Алексея Миронова»? И покопаться в его грязном белье? Или будете рассказывать о его большом жизненном пути, множа ту слащавую мерзость, которая так часто встречается на наших книжных прилавках?

– Нет, мне просто хочется понять – какой он был человек. А понять человека – это постичь сокровенный смысл его поступков. Так говорили древние.

– Это верно. Но для чего вам все это нужно?

Кошка попыталась влезть на колени Монастырева, и тот не стал ее прогонять. Она улеглась в привычно блаженной позе, замерев от восторга, когда рука хозяина начала поглаживать ей спину.

– А разве вам не интересно знать, кто именно его убил?

– Нет, – вдруг сказал Монастырев, – совсем не интересно. В первые месяцы после его смерти я, как и все, горел праведным гневом, считая, что прокуроры и следователи довольно быстро найдут организаторов и исполнителей убийства. По телевидению несколько раз передавали, что дело поручено лучшим специалистам и находится под контролем самого Президента. И чем все это кончилось? Пшик, и ничего. Просто выпустили пар, исписали тонны бумаги, поплакали на могиле Миронова и все. Все. Никаких результатов за два года. Мы просто все перегорели за это время. Сейчас нам уже ничего не надо. Леша давно лежит в земле, он успокоился, его оттуда не вернешь. А мы остались здесь, и нам нужно здесь жить. Жить со всеми мерзостями, которые нас окружают, со всеми нашими недостатками. Какая разница, какой именно подлец отдал приказ о смерти Леша? Миронову мы не поможем, на подлеца все равно не выйдем. А если даже и выйдем на него каким-нибудь чудом, то дотронуться до этого подлеца и пальцем не посмеем. Ведь ясно, что приказ об убийстве отдавался на очень высоком уровне. На таком уровне, где могут контролировать и ход следствия, и показания свидетелей. А раз так, то не нужно себя обманывать. Мы никогда и ничего не узнаем.

– Вы пессимист, – заметил Дронго.

– Я как раз оптимист. Я надеюсь, что организатор убийства рано или поздно все равно захмелеет от собственной безнаказанности. Я надеюсь, что этот человек будет наглеть еще больше. Раз ему удалось убийство такого журналиста, то он на этом не остановится. А это и

будет началом его конца. За Лешу Миронова ему все равно ничего не сделают. Но когда он снова захочет нарушить правила игры и заденет чьи-то интересы, вот тогда ему оторвут яйца, и мы ничего все равно не узнаем. Но оторвут обязательно, и в этом смысле я оптимист. Может, вы все-таки хотите пива?

– А кто, по-вашему, мог хотеть его смерти?

– Вы хотите знать мою точку зрения? Тысячи людей. Те, кому он перешел дорогу. Те, кого он раздражал своим талантом. Те, кто не мог простить ему удачи. Он был удачлив во всем. В делах, в работе, с женщинами. А этого обычно не прощают. Но убили его, конечно, не завистники. Завистники бывают обычно людьми мелкими и пакостными. В этом смысле я с Пушкиным вполне согласен. Если бы Сальери был только завистником, он бы никогда не смог убить Моцарта. Просто не хватило бы духу. Он бы воровал его ноты, пакостил на репетициях, рассказывал бы о нем всевозможные сплетни и гадости. Но у Пушкина Сальери убивает Моцарта. И он показывает нам такого Сальери. Талантливого музыканта, осознающего гений Моцарта и оттого еще более страшного. Сальери не просто завистник. Он воплощение зла. Только сильный человек может замахнуться на гения. Я не знаю, какими были Дантес или Мартынов, но, судя по всему, не совсем теми дурачками, которыми их потом сделала наша либеральная пресса. Наверняка это были сильные люди.

– Я читал о Сальери, что он не совершал никакого убийства, – заметил Дронго, – все это выдумки писателей и поэтов.

– В каждом вымысле есть доля правды, – резонно заметил Монастырев, – поэтому в завистника я не верю. И в женщину не верю. У него было много женщин, это правда. Но сейчас из-за бабы не убивают, просто времена не те. Власти у него особенной не было. Значит, только одна причина – деньги. Убивают всегда из-за больших денег. Это знают и прокуроры, и следователи, и журналисты, и мы с вами. Остается только прикинуть, кому мог перейти дорогу Миронов со своими планами реорганизации телевизионного канала. И фамилий будет не так много. Три-четыре, может, пять, не больше. Разве трудно вычислить после этого убийцу? Но если такую элементарную вещь понимает даже такой дилетант, как я, почему это не делают те, кто обязан искать убийц? Значит, они этого просто не хотят. Или не могут. Или могут, но им не дают. В любом случае ответ будет неприятным.

– И вы можете назвать эти фамилии?

Монастырев перестал гладить кошку, осторожно поставил ее на пол. Потом выпрямился и сказал:

– Конечно, нет. Кому надо, тот знает. А кто не знает, тот и не должен знать. Я ведь понимаю, что мне просто отрежут язык, если я начну болтать о подобном у нас на телевидении. Только в отличие от Лешы Миронова мне не устроят пышных похорон. И Президент не возьмет под личный контроль расследование моего убийства. И похоронят меня где-нибудь за городом. И никто про меня даже не вспомнит. Вот разве что Мурка, – он наклонился и снова почесал кошку, потом продолжал: – Хотя все равно ничего не меняется, берет он его под свой контроль или не берет. Главное, что все знают, кто убийца. Все понимают. И все молчат. Это правила игры. Раньше играли в партию, когда все знали, что все решает секретарь райкома, но предпочитали играть в голосование, выборность, отчетность и тому подобную дребедень. А сейчас все знают, кто убийца и кому было выгодно убийство Миронова, но все предпочитают молчать. Это новые правила игры. Раньше ты рисковал партийным билетом, сейчас собственной жизнью. Подумайте, что страшнее.

– Вы ничего не хотите мне рассказать?

– Не хочу. Я не верю.

– Мне?

– И вам тоже. После смерти Алексея я не верю никому и ничему в этом государстве. Мы живем в бандитском государстве, у которого свои законы и свои правила. А наше телевидение

всего лишь зеркало этого государства. Помните пословицу «на зеркало нече пенять, коли...»? А у нас не просто кривая рожа. У нас отвратительная ухмылка вампиров, кровососов, вурдалаков. Которых вы никогда не увидите на нашем телевидении. Зеркало не показывает вампиров, оно отражает все, не показывая оборотней. Это старая легенда, согласно которой в зеркале вампиры не отражаются. Поэтому мы видим каждый день по нашему телевидению только несчастные жертвы, только укушенных ими людей, только их кровь. А сами вампиры в зеркале не отражаются. Это невозможно. Иначе придется разбить зеркало и заказать новое.

– Я подумаю над вашими словами, – строго сказал Дронго.

– Подумайте. И примите мой совет, бросьте вы заниматься этим делом. Я был другом Миронова, я любил его. Но сегодня я вам говорю – бросьте вы все это дело. Не нужно героизировать. Вы все равно ничего не добьетесь. В лучшем случае вы просто будете биться головой о стенку, в худшем – вашего тупа никогда и нигде не найдут. Какой из вариантов вас устраивает больше?

– Ни один. Я найду убийцу, – твердо пообещал Дронго.

– В таком случае желаю вам удачи, – иронически хмыкнул Монастырев, – оказывается, в нашей стране есть еще люди, желающие поиграть в героев. В любом случае желаю вам успеха и прошу на меня не рассчитывать.

– Это я уже понял, – кивнул Дронго. – Мне кажется, что вы не совсем правы. Если каждый будет вести себя как страус, пряча голову в песок, то рано или поздно нас всех просто перестреляют. По-моему, гораздо рациональнее все-таки сражаться, даже не имея шансов на успех. Сто даже проигранных сражений – это уже сто затраченных усилий ваших врагов. Значит, они становятся в сто раз слабее, каждый раз преодолевая известное сопротивление. Вам не кажется, что так будет правильнее?

Монастырев молчал. Дронго поднялся, кивнул хозяину квартиры и показал на невключенный телевизор.

– Своей позицией вы только помогаете вампирам оставаться невидимыми. Я вспомнил интересную историю, которую услышал в Дании. Во время второй мировой войны фашистская Германия оккупировала маленькую Данию, и обосновавшиеся в Копенгагене оккупанты издали приказ, согласно которому все евреи должны были с определенного числа нашить на одежду звезды Давида, чтобы отличаться от обычных граждан. Так вот, в назначенный день первым с такой звездой появился король Дании. А за ним все остальные горожане. И фашисты вынуждены были отступить. Вам не кажется, что иногда следует поступать по-королевски?

И не дожидаясь ответа на свой вопрос, он пошел к двери. Когда за ним захлопнулась дверь, Монастырев вздрогнул. Кошка жалобно мяукнула, и он задумчиво посмотрел на нее.

Глава 10

Работа на телевидении отнимала все время Павла. Теперь он по-настоящему понял, что значит руководить большим коллективом, ежеминутно отвечая за все, что происходит в эфире на его канале. Сильной стороной канала СТВ считались музыкальные передачи, которые вели популярные молодые композиторы, и программы из соседних государств, особенно из стран СНГ, где работали бывшие корреспонденты советского телевидения, с удовольствием передававшие свои материалы для Москвы и готовившие действительно профессиональные передачи.

Через несколько дней должна была бы пойти передача о банкире-кавказце, которую Павел готовил еще на прежнем канале. Он сидел над этой программой всю ночь, пытаясь изменить ее направленность, сделать ее менее острой, менее задиристой. Но ничего не получалось. Банкир слишком сильно подставлялся, а он слишком часто задавал провокационные вопросы. К пяти часам утрам он понял, что ничего не сумеет изменить. И тогда он принял конкретное решение.

– Снимаем передачу, – сказал он своему помощнику.

Толстый Слава, которого он забрал с собой на новую работу, с ужасом уставился на своего патрона.

– Как снимаем? – испуганно прошептал он. – Снимаем вашу передачу?

– Снимаем, – сурово подтвердил Капустин, – мне она не нравится. И вообще, перестань задавать дурацкие вопросы. Теперь ты будешь отвечать за эту передачу. И вообще будешь директором этой передачи. Понял?

– Понял, – все еще ничего не понимая, пробормотал Слава.

– А теперь снимай передачу. И сотри весь материал, – приказал Капустин, – чтобы ничего не осталось.

На следующий день после этого «ночного бдения» его вызвал к себе Александр Юрьевич. Он сидел в своем кабинете в темном костюме и в шелковом галстуке. В отличие от других очень богатых людей в Москве, почему-то полюбивших итальянцев Версаче и Валентино, Александр Юрьевич отдавал предпочтение американцам, одеваясь в костюмы Кельвина Кляйна, и носил строгие американские галстуки в полоску. Вот и теперь он принял руководителя своего телеканала, одетый в темный строгий костюм. На галстуке сверкала элегантная заколка.

– Осваиваешься? – спросил Александр Юрьевич, когда Павел сел в глубокое кресло, предназначенное для почетных гостей.

– Стараюсь, – вздохнул Павел, – проблем еще много.

– У кого их нет, – улыбнулся Александр Юрьевич. – Говорят, ты вчера до утра сидел в монтажной. Что-нибудь интересное монтировали?

– Нет, – насторожился Павел. Откуда шеф мог узнать о его работе в монтажной? Неужели кто-то из сторожей настучал? – Нет, просто монтировали разные передачи, – сказал он.

– А вот это уже нехорошо, – покачал головой Александр Юрьевич, – врать не нужно. Я ведь легко могу узнать, что именно ты делал. А если будешь врать, начну подозревать, что ты работаешь и на другие каналы.

– Учту, – буркнул покрасневший Капустин.

– Это правильно. Учти и никогда мне не ври. Так что ты вчера делал в монтажной?

– Свою передачу монтировал, – признался Павел.

– Какую передачу?

– Про банкира, – выдал Капустин.

– Про кого? – повысил голос Александр Юрьевич.

– Про банкира, – чуть громче пробормотал Капустин.

- Ты все-таки решил показать эту передачу, – нахмурился Хозяин.
- Я профессиональный журналист, – попытался оправдаться Павел, – думал, что смогу изменить передачу так, чтобы она вам понравилась.
- Но я ведь запретил, – настаивал Александр Юрьевич.
- Павел молчал. Крыть было нечем.
- Ладно, – сказал Хозяин, поняв, что тот ничего не скажет, – и когда будешь показывать передачу?
- Не буду вообще, – буркнул Капустин, – не получается передача.
- Вот видишь, – поучительно сказал Александр Юрьевич, – не нужно было тебе упрямяться.
- Он помолчал, потом спросил:
- Знаешь, зачем я тебя позвал?
- Нет.
- Сообщения о покушении на меня стали снова муссировать. Нужно придумать какую-нибудь сенсацию, чтобы сбить эту тему. Какую-нибудь новость, которая закроет нашу тему.
- Какую новость?
- Это уже твое дело. Посоветуйся с Женей или с Яковом Абрамовичем. Что угодно можете придумать. Про летающих слонов или про беременных крокодилов. Мне все равно.
- Крокодилы, кажется, откладывают яйца, – вспомнил Капустин.
- Тем более интересно. Придумайте что хотите, но закройте мою тему. Чтобы никто не вспоминал о покушении. Мне лишняя слава не нужна. Ты меня понял?
- Понял.
- А теперь иди. И никогда больше мне не ври. Иначе я перестану тебе верить, а это очень плохо. Нельзя работать с человеком, которому ты перестаешь доверять.
- Павел вышел из кабинета. После его ухода в кабинет вошли Константин Гаврилович и Женя. Хозяин встретил их мрачным взглядом.
- Ну, что у вас новенького? Опять какие-нибудь дурные вести принесли?
- В трех газетах написали про покушение. В «Известиях» готовится аналитическая статья про группу «Квант», – сухо сообщила Женя.
- И что ты хочешь делать?
- Яков Абрамович предлагает купить журналиста. За десять тысяч долларов статью могут снять.
- Не слишком ли дорого?
- Статья неприятная. Я читала гранки. Там написано о наших связях с энергетическим комплексом. Могут быть определенные неприятности.
- А журналист согласится?
- Яков Абрамович обещал его уломать.
- Хорошо. Что еще?
- По телевизору готовят передачу про нас. Будут рассказывать про покушение. На РТВ.
- Кто готовит?
- Малышев.
- Опять этот сукин сын. Вечно он вылезает со своими передачами. Узнайте, кто ему платит.
- Узнавали. Никто не платит. Он просто ненормальный, работает только на себя. Два раза отказывался от крупных сумм. Однажды его грузины чуть не убили, когда он делал репортаж про скупщиков угнанных автомобилей.
- И что ты предлагаешь?
- Не знаю.
- Он посмотрел на Константина Гавриловича. Тот шумно задышал и пожал плечами.

– Нужно попытаться купить его еще раз, – посоветовал начальник службы безопасности.
– А если не выйдет? – поинтересовался Александр Юрьевич.
– Тогда будем решать, – неопределенно сказал Константин Гаврилович.
– Хорошо. Мне лишняя огласка не нужна. Не узнали еще, кто заказывал мое убийство?
– Пытаемся, – вздохнул начальник службы безопасности, – но, похоже, работал профессиональный киллер. Никаких следов нет.

– Найдите Михаила, – жестко сказал Александр Юрьевич, – найдите этого сукина сына хоть из-под земли. Я ему доверял свою жизнь, жизнь моей семьи. А он меня предал. И узнайте наконец, с кем именно он говорил по внутреннему телефону. В этот момент я вошел в здание. Значит, звонил кто-то из стоявших внизу. Узнайте, кто именно. Мне не нужны предатели в собственной компании.

– Узнаем, – пообещал Константин Гаврилович, – все узнаем. Я уже просил ребят в ФСБ узнать обо всем. Через Вихрова на них вышли.

– Я уже троих к себе взял. И твоего Вихрова тоже. А никакого результата, – зло сказал Александр Юрьевич, – непонятно только, на кой хрен я им столько денег плачу.

Его собеседник понимал, о чем говорит Хозяин. Сейчас, когда сотрудники правоохранительных органов получали ничтожные зарплаты и пенсии, из ФСБ и МВД уходили лучшие профессионалы. Уходили в коммерческие структуры. Однако в последние годы этот уход был поставлен на коммерческую основу. Один из уходивших сотрудников становился как бы делегатом целой группы. Оставшиеся в ФСБ или МВД его товарищи всячески помогали и прикрывали его, создавая своеобразную «артель» специалистов-профессионалов. А ушедший в коммерческую структуру офицер получал деньги, часть которых передавалась его товарищам, продолжающим с ним сотрудничать. Майор Вихров был таким «делегатом» из отдела экономических преступлений ФСБ, посланным в компанию «Квант». Он получал деньги не только на себя, но и на оставшихся в ФСБ своих коллег, которые помогали ему исполнять его новые обязанности.

– Мы его найдем, – твердо сказал Константин Гаврилович, – самое главное, что он раньше работал в МВД. Значит, он знает правила игры и не пойдет к тем, кто заказывал ему это убийство.

– Почему не пойдет? – не понял Александр Юрьевич.

– Если убийство сорвалось, то всех, кто был к нему причастен, обычно убирают, – пояснил Константин Гаврилович, – и тем более такого важного свидетеля, как Михаил. Его уберут сразу, если только он попытается на них выйти. Он ведь бывший сотрудник милиции, знает такие вещи не хуже нас. Поэтому он сейчас прячется не столько от нас, сколько от них. Они ищут его куда более интенсивно, чем мы. Им ведь нужно убраться важного свидетеля до того, как он заговорит.

– А мы, значит, не ищем? – сделал вывод Хозяин.

– Конечно, ищем. Я же говорю, что Вихров лично занимается им. Мы его найдем. Живого или мертвого, но найдем.

– На кой черт мне нужен мертвый?! – закричал Александр Юрьевич. – Кому нужен его вонючий труп? Мне нужен живой, слышите меня, живой!

Его собеседник кивнул головой. Он не впервые видел, как приходил в ярость Хозяин, и поэтому спокойно относился к таким приступам.

– Мы послали людей даже в Харьков. Там у Михаила живет двоюродная сестра. Если он появится там, мы сразу узнаем. Я думаю, мы его найдем.

– Ладно, – махнул рукой Александр Юрьевич, – спасибо. И не забудьте о том, о чем я вас просил. Капустин уже работает у нас. Может, пуля снайпера специально попала в зеркало, а его подставили к нам нарочно. Я должен все знать. Мне нужна полная информация по этому человеку.

– Мы сейчас все готовим. Через три дня я дам вам полную информацию, – доложил Константин Гаврилович, – самую полную. С момента его рождения и до сегодняшнего дня.

– Хорошо, – согласился Александр Юрьевич. – Я буду ждать.

Когда Константин Гаврилович ушел, он поднялся и, пройдя в свои личные апартаменты, лег на диван. Его пресс-секретарь прошла следом за ним. Она подошла к нему и спросила:

– Дать тебе воды?

– Нет, – устало сказал он, – иди лучше ко мне.

Она подошла к нему, села на диван рядом с ним. Он положил руку ей на колено.

– Устал я от всего этого, – пожаловался Александр Юрьевич, – непонятно, кто и когда тебя ударит. В любой момент можно ждать выстрела в спину.

Она молчала, зная, что в таких случаях ему нужно просто выговориться.

– Узнать бы, кто именно нанял этого снайпера, – сказал он, закрывая глаза. – Если бы только узнать.

Его рука сжала ее колено, но она сидела спокойно, словно ничего не происходило. Его правая рука пошла наверх, чуть поднимая юбку, скользнула по животу, еще выше. Он торопливо, слегка дрожащей рукой начал расстегивать пуговицы на ее жилете. Она молчала, зная, что за этим последует. Он расстегнул жилет, потом потянул к себе, пытаясь сорвать с нее блузку. Она чуть отстранилась, и он удивленно посмотрел на нее.

– Нет, – сказала она.

– Что нет? – Ему показалось, что он ослышался.

– Не нужно, – она отстранилась еще больше, и он поднял голову, не понимая, что именно происходит.

Они были знакомы много лет, еще тогда, когда он был простым кандидатом наук, а она аспиранткой. Они вместе создавали компанию, вместе делили все тяготы нового дела. И даже не заметили, как стали близки друг другу. Она была не просто его любовницей, вернее, она не была его любовницей в том смысле, в каком стало применяться это слово в конце двадцатого века. Она была его Другом. Его доверенным лицом и исповедником. Он мог доверить ей любую тайну. У каждого мужчины есть этот комплекс, словно он до сих пор еще мальчик, доверяющий свои тайны матери. Но не каждому везет так, как повезло Александру Юрьевичу, имевшему своего «исповедника» в лице Евгении Турчаниновой.

И их близость была не простыми отношениями мужчины и женщины, а формой выражения доверия мужчины к женщине, перед которой он мог быть и слабым, и доверчивым, и растерянным одновременно. И теперь, когда она от него отстранилась, он удивленно поднял голову, не понимая, что происходит.

– Сегодня нельзя, – улыбнулась она, – ты ведь понимаешь.

Он засмеялся. Действительно, все так просто. Прижав к себе женщину, он вдыхал аромат ее волос, прижимая ее к себе все сильнее и сильнее. Потом все-таки начал снимать с нее одежду, целуя ее плечи. Она улыбнулась в ответ и левой рукой дотронулась до его ремня, расстегивая пряжку. В конце концов любящая женщина всегда может сделать так, чтобы мужчина почувствовал себя мужчиной при любых обстоятельствах.

Через двадцать минут она отправилась принимать душ, а он все еще лежал на диване, когда раздался телефонный звонок. Он повернул голову, но не стал поднимать трубку. Это был звонок его секретаря Зины. Но ведь та знала, что его нельзя тревожить, когда он остается с Женей наедине.

Телефон продолжал звонить не переставая. Он нахмурился, поднимаясь с дивана. Значит, опять случилось нечто непредвиденное. Телефон продолжал трезвонить. Он подошел к аппарату, поднял трубку.

– Что случилось? – рявкнул он, намереваясь выругать Зину, которая осмелилась потревожить его, несмотря на строгий запрет.

– Это я, – торопливо сказал Константин Гаврилович, – звоню из приемной. Зина не пускает меня, говорит, что вы отдыхаете.

– Что случилось? – На этот раз он действительно испугался. Начальник службы безопасности не стал бы так настойчиво звонить по пустякам.

– Мы его нашли, – победно сообщил Константин Гаврилович.

– Кого нашли? – не понял он.

– Михаила. Он в Харькове, у своей сестры. Наши ребята уже вылетели туда. Мы доставим его через Ростов, предупредим заранее пограничников и таможню. Завтра он будет у нас.

Глава 11

В этот день Дронго должен был встретиться с Аркадием Глинштейном. Но, даже не позавтракав, он снова отправился к Владимиру Владимировичу, чтобы еще раз перечитать показания Монастырева. Они занимали примерно двадцать страниц. Очевидно, следователю нравилась разговорчивость критика. Но ничего конкретного Сергей Монастырев следователям не сказал. Только общие рассуждения о телевидении, о его негативной роли в обществе.

На все конкретные вопросы Монастырев не давал прямого ответа, словно боялся чего-то более страшного, чем следователи прокуратуры. В день убийства он был на работе, задержавшись до восьми на телевидении, а затем отправился на дискотеку в «Золотой шар», где его видели сотни свидетелей. Прочитав эти строки, Дронго невольно улыбнулся. Дотошные следователи отработывали все версии, считая, что необходимо проверить, где были друзья Миронова в момент его смерти. Если бы мотивом убийства была обычная месть или зависть, подобное усердие могло бы показаться разумным. Но и сам Дронго, и беседовавший с ним вчера Монастырев справедливо считали, что главным мотивом преступления могли быть только очень большие деньги. Да и сами следователи, похоже, больше склонялись к этой версии, отработывая другие лишь для порядка и понимая, что у них все равно не будет возможности раскрыть преступление.

В двенадцать часов дня Дронго, покинув квартиру Владимира Владимировича, позвонил Аркадию с улицы, предварительно отъехав на два квартала. Он знал, что Глинштейн поднимается довольно поздно, и рассчитывал застать его дома. Трубку подняла жена Аркадия, любезно сообщившая, что муж все еще спит. Через час он продолжал спать. И только в два часа дня Дронго наконец услышал в телефонной трубке раскатистый голос Аркадия.

– Я вас слушаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.